Бухарин
Н.И.
Очередные
задачи пар-
тии.

М.-Л., 1928.

ИМЛ—Библиотека
ЕН121
0971

Н. И. БУХАРИН

EH127
097

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ

1928

2к2

Н. И. БУХАРИН

ЕН 121
О 971

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ

★

ДОКЛАД
на XVI Московской губернской партконференции 20 ноября 1927 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

2-й экз.

ЕН121
О-971

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1050455

реф
30045

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ ГИЗа, Москва, Пятницкая, 71, Главлит А-595.
Гиз 24434. Тираж 35000.
Зак. 5484.

ДОКЛАД
НА XVI МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ
20 НОЯБРЯ 1927 ГОДА

I. НЕОМЕНЬШЕВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ИДЕОЛОГИИ И ТАКТИКИ ОППОЗИЦИИ.

1. ИДЕОЛОГИЯ ОППОЗИЦИИ.

Мне кажется, что если мы попробуем в кратких словах подвести итог этой дискуссии, то можем сказать, что в области принципиальных разногласий троцкистская оппозиция почти целиком перешла на рельсы меньшевизма, это — по основным вопросам нашей революции. В лице оппозиции мы имеем новый меньшевизм — «неоменьшевизм», который, конечно, отличается от классического меньшевизма некоторыми особенностями, совпадая с ним в основном. В вопросах об оценке движущих сил нашей революции и об оценке существующего сейчас в нашей стране положения, на рубеже десятилетия пролетарской победы, чрезвычайно большая часть взглядов оппозиции почти слово в слово повторяет то, что утверждает классический меньшевизм в лице его наиболее характерных представителей. Но не только в этом, а и в методах борьбы, в тактической линии наша оппозиционная группировка повторяет те приемы и те методы борьбы, которые

стличают элементы политических организаций, стоящих за пределами нашей партии. В первую очередь я имею в виду ту же самую РСДРП, т. е. организацию меньшевиков. Вот итог.

Я, товарищи, на этом вопросе постараюсь задержаться по возможности краткое время. Не легко понять, что обойти эти вопросы, которые занимали всю нашу партию все последнее время и которые безусловно сопровождались очень крупными издержками для всего нашего государства, для всей нашей деловой работы, — эти вопросы обойти абсолютно невозможно.

Что лежит в основе той теоретической оценки положения в нашей стране, которую дает оппозиция? В основе ее лежит положение, что наша страна в силу ее технической и экономической слабости не в состоянии без поддержки победоносного пролетариата других стран успешно продолжать дело социалистического строительства.

Эта троцкистская формула, которая не раз Троцким выставлялась и защищалась, в видоизмененном виде лежала в основе октябрьской ошибки тт. Каменева и Зиновьева. Эта формула повторялась перед XIV партс'ездом. Эта формула оказывает свое давление и теперь. Из этой формулы вытекает вывод оппозиции о нашей неизбежной гибели, о нашем неизбежном — в условиях затяжки мировой революции—перерождении, проходящем согласно оппозиционным и меньшевистским теоретикам через ряд эта-

пов. С точки зрения расположения основных классовых сил в стране, мы, якобы, имеем сейчас такого рода перегруппировки: от пролетариата к крестьянству, следовательно, от пролетариата к мелкой буржуазии, от крестьянства к кулачеству, т. е. от мелкой буржуазии и от простого товаропроизводителя в сторону капиталистических элементов, от кулачества к буржуазии, к нэпману. Через ряд промежуточных этапов, через ряд различных звеньев этого большого процесса, мы, якобы, идем к тому, что основной руль, гегемония, ведущее начало переходит из одних рук в другие, от рабочего класса к капиталистам, к нэпмановской буржуазии.

На основе перегруппировки сил в стране, под влиянием политики, которую ведет наша партия, совершается, якобы, в свою очередь, и соответствующее перерождение нашего государственного аппарата, т. е. радикальное изменение классового характера власти в нашей стране. Сперва происходит отрыв общего государственного аппарата пролетарской диктатуры от своего классового пролетарского базиса, потом происходит превращение государственного аппарата в некую внеклассовую, самостоятельную силу; потом этот самостоятельный, независимый от пролетарского классового базиса, аппарат получает, якобы, по выражению Троцкого, другой «социальный заказ», «социальный заказ» от другого класса, происходит сползание на кулацко-нэпмановские рельсы. Это и находит свое резкое определенное выражение в теории

так называемого «термидора». За термидором, т. е. за контрреволюционным перерождением государства, следует открытый цезаристский, бонапартистский переворот.

В связи с этим дается соответствующая оценка нашей партии. Наша партия, которая имеет свой костяк в партийном аппарате, сперва, якобы, отрывается от пролетарской массы, потом (или на-ряду с этим) аппарат отрывается от основной партийной массы, получает самостоятельное значение, потом начинает подводить под себя другой классовый базис, получает «социальный заказ» от иных классов, нащупывает себе другую социальную базу, буржуазную базу. И это есть выражение термидорианства, бонапартизма. Отсюда делается практический вывод, что существующий партийный режим есть главная из опасностей, низвержение которой является первой обязанностью каждого партийца, каждого революционера. Вот как характеризуется картина перегруппировки классовых сил внутри государственного аппарата, внутри нашей партии. Все идет одним путем, через одни и те же этапы, причем общий смысл этого процесса есть процесс термидорианско-бонапартистского перерождения.

Я, товарищи, считаю излишним дальше останавливаться на изображении этой самой теории, потому что всем вам она достаточно известна, изрядно навязла в зубах. Само собой разумеется, опровергать это по существу, т. е. доказывать, что наша

партия не бонапартистская, не термидорианская, было бы ниже достоинства нашей партии. Мы можем с гораздо большим правом упрек в бонапартизме и термидорианстве вернуть тем уличным «героям», которые на четырех ногах ползают за каждой торговкой на каждом вокзале. *Аплодисменты.*

Я хотел бы констатировать один факт: эта теория общая для нашей оппозиции и для меньшевиков. Я говорю это с полным сознанием ответственности за свои слова, с полным сознанием того, что я не преувеличиваю ни на один атом. Я вам приведу несколько цитат из меньшевистских произведений и из оппозиционных выступлений, где вы увидите не только полное совпадение политической мысли, но вы увидите полное, буквальное совпадение некоторых формулировок.

Я приведу три выдержки из речи Троцкого и две выдержки из «Социалистического вестника».

Вот что говорил т. Троцкий на последнем пленуме ЦК и ЦКК:

«В партийном режиме находит свое выражение вся политика партийного руководства. Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от рядового партийца к аппаратчику, от батрака и бедняка к кулаку, от шанхайского рабочего к Чан Кай-ши, от китайского крестьянина к буржуазному офицер-

ству, от английского пролетария к Перселю, Хиксу, генсоветчикам и т. д. без конца. В этом самая суть сталинизма».

Вот вторая цитата, которая увенчивает все здание:

«Партийный режим вытекает из всей политики руководства. За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия. За ее спиной — мировая буржуазия. Все эти силы давят на пролетарский авангард, не давая ему поднять голову или раскрыть рот. Чем больше политика ЦК сдвигается с классового русла, тем больше приходится эту политику навязывать пролетарскому авангарду сверху — методами принуждения. В этом — корень нынешнего возмутительного партийного режима». (Ibidem.)

Здесь поставлены все точки над i: за крайними аппаратчиками, т. е. за ядром Центрального комитета (по терминологии Троцкого), скрывается даже не мелкая буржуазия, даже не кулак, а зрелая, вполне сложившаяся буржуазия, за спиной которой в свою очередь скрывается мировая буржуазия. Так вот, значит, мы, представители ЦК, являемся идеологами политики нэпмана, политики мировой буржуазии. (*Смех.*) Это очень смешно, но это было сказано не где-нибудь, а на заседании ЦК и ЦКК. Это — характеристика, даваемая со стороны Троцкого. А что пишут меньшевики? Меньшевики здесь более последовательны, они родословную нашего «бонапартистского грехопадения» ведут не с последних дней и даже не с момента созревания «ве-

ликого блока» Зиновьева и Троцкого, они ведут нашу родословную начиная с момента революции, с момента захвата власти большевиками. Вот что пишет Дан в «Социалистическом вестнике» № 21/22:

«Та самая речь Ленина, которая возвещала «новую экономическую политику», кончилась и новым «лозунгом», предписывавшим отныне «социалистов держать в тюрьме».

Так вступила большевистская диктатура в новую фазу своего развития, в фазу «нэпа», когда революционные задачи, выполнительницей которых сделала ее история, все более уходят в прошлое и когда самосохранение все больше становится для нее самодовлеющей целью, хотя и прикрываемой самыми фантастическими «теориями». Из силы революционной она все более становится силой консервативной. Из выразителя интересов масс в определенной, исторически обусловленной обстановке — тормозом для выявления и защиты этих интересов в новых условиях, созданных революцией. Ибо в этих новых условиях, когда основной социальной силой России становится мелкобуржуазное крестьянство; когда и на национализированных фабриках и заводах государство ведет хозяйство капиталистическое; когда образовались громадные кадры людей (чиновников, администраторов, хозяйственников), источником существования которых становится хотя и монополизируемая государством, но создаваемая трудом рабочих «прибавочная стоимость»; когда, словом, возрождаются в России классы буржуазного общества, а вместе с ними и классовые антагонизмы, — в этих условиях интересы трудящихся и особенно интересы рабочего класса требуют и в России, как и во всякой другой стране, с в о б о д ы к л а с с о в о й о р г а н и з а ц и и и б о р ь б ы, не мыслимой без п о л и т и ч е с к о й с в о б о д ы.

Как фактор революции, большевистская диктатура исторически пережила себя. Она превращается в диктатуру «аппарата», все более от всех классов отрывающуюся и всем им себя противоставящую, все более вступающую в конфликт с интересами общественного развития и потому заживо разлагающуюся».

Вы видите, что Дан несколько даже умереннее в своей оценке, чем Троцкий, потому что Дан останавливается на той точке, когда аппарат отрывается и оторвался от пролетариата, а Троцкий говорит, что этот аппарат пережил стадию своего отрыва, уже подвел под себя классовый базис нэпмана, за спиной которого стоит буржуазия международная.

Последняя цитата из передовицы последнего номера «Социалистического вестника», посвященного 10-летнему юбилею нашей революции. В статье, которая называется «Юбилейный разгром», дается прямая оценка выступлений оппозиции за последнее время, и оценивается это с точки зрения тактики. Вот что мы находим и читаем в этой передовице:

«Кое-что из оппозиционных теорий не может не встретить всеобщего отклика. Ее характеристика перерождающейся диктатуры во многом правильна и соответствует действительности. Пусть она кое-в-чем не нова, пусть она заимствована у политических противников, разве в этом

дело? Важно то, что она правильна, что она публично констатирует то, о чем до сих пор можно было говорить лишь в подпольной социалистической печати. Ее указания очень верны: быстро идет процесс перерождения, который оппозиция называет «термидорианским»; активность народных масс сменяется активностью верхушек. На место народа вступает власть, — так во всех областях. Вместо рабочей активности — активность хозяйственников. Вместо советов — работа президиумов. Вместо армейской массы — самосознание офицерства. Вместо партийной массы — циркуляр Политбюро. Троцкий прав — такова действительная картина, а куда ведет эта эволюция, нам приходилось писать уже не раз. Что удивительного, если теперь, когда и коммунистическая оппозиция увидела то, чего не видят одни слепые, она умеет привлечь симпатии и заставит себя слушать?»

«Кое-что из оппозиционной теории не может не встретить всеобщего отклика». Теперь посмотрите, что это за «кое-что». «Ее характеристика... перерождающейся диктатуры во многом правильная и соответствует действительности. Пусть она кое-в-чем не нова, пусть она позаимствована у политических врагов, разве в этом дело? Важно то, что она правильна, что она публично констатирует то, о чем до сих пор можно было говорить лишь в подпольной социалистической (сиречь меньшевистской. **Н. Б.**) печати, ее указания очень верны, быстро идет процесс перерождения, которое оппозиция называет

термидорианским, активность народных масс подменяется активностью верхушек, на место народа вступает власть, вместо рабочей активности — активность хозяйственников, вместо совета — работа президиума... Она умеет привлечь симпатии и заставить себя слушать». От себя я прибавлю, что символом этих «симпатий» со стороны рабочих могут служить калоши и соленые огурцы. *(Аплодисменты.)* Но не это в данном случае важно. В данном случае важно то, что вы имеете здесь совпадение. Раньше была только перекличка между меньшевиками и нашей оппозицией, а теперь вы имеете совпадение политической мысли, не приближение к чему-то общему, а совпадение политической мысли, — потому что, когда «Социалистический вестник» говорит: дескать, у оппозиции «кое-что правильно», а потом перечисляет, что это за «кое-что», то выясняется, что это «кое-что» есть характеристика классовых соотношений в стране, это «кое-что» есть классовая характеристика нашей государственной власти, это «кое-что» есть характеристика нашей партии. Что же остается кроме этого «кое-что» из самых важных вопросов? Ровно ничего. Основное исчерпано. Характерно то обстоятельство, что цепочка этих взаимных об'ятий продолжается дальше. У нас в газетах отмечалось, что Милюков в своем органе отпечатал документы оппозиции с нижеследующим примечанием от редакции, напечатанным жирным шрифтом:

«Ниже мы печатаем два отрывка из большевистской «оппозиционной» литературы. Они как раз годятся для «юбилея». В советской России эти отрывки напечатаны быть не могут. Они печатаются там в тайных типографиях, как при старом режиме, и выслеживаются и уничтожаются — тоже как при старом режиме. Таким образом мы осуществляем «свободу печати» для г. Троцкого. Благодарности не ждем, но сами выражаем удовлетворение, что большевистская «оппозиция» вступила в стадию подпольной печати. Надеемся, что за ней последуют и дальнейшие стадии».

Вот оценка, вот она — эта «классовая правда классового врага». Я, товарищи, считаю излишним останавливаться дальше на идейном содержании оппозиционной платформы. Совершенно ясно, что наши идейные разногласия уже переросли рамки тактических разногласий, они стали программными разногласиями, и я полагаю, что людям с такими взглядами в нашей партии не место. *(Бурные аплодисменты.)*

Всякому понятно, что тактические разногласия — это такие разногласия, которые предполагают некоторый общий язык. Я могу расходиться со своими товарищами по партии, например, в количественной оценке тех извращений, которые у нас есть, я могу расходиться в оценке тех или иных методов

борьбы против этих извращений. Но если я расхожусь с каким-либо партнером, с которым я хотя бы сто лет сражался вместе, в оценке того, есть ли наша партия — партия революционного пролетариата, или же она — перерождающаяся партия, которую нужно выбросить и чем скорее, тем лучше выбросить, — тогда у нас нет ничего общего, мы тогда — враги, которые, исходя из этого, делают свои выводы. Я знаю, что есть еще логика борьбы: некоторые говорят не то, что думают, некоторые в своей борьбе идут дальше, чем они сами хотели бы. Это, вероятно, имеет место среди некоторых оппозиционеров. Но из этого отнюдь не следует, что нужно быть более терпимым. Ибо в оборот пущены такие вещи, которые ставят людей по другую сторону баррикады. Если у нас термидорианская власть, тогда нашу власть нужно взрывать, а если это пролетарская диктатура, то нужно ее защищать. Если у нас термидор, — нужно организовывать стачки на фабриках, если у нас пролетарская диктатура, — нужно строить социалистическую промышленность. Если наша партия переродилась в переверзевско-алексинскую партию, — нужно ее разрушать, а если у нас пролетарская диктатура, — нужно защищать нашу страну до последней капли крови.

Это — д в е р а з н ы е п р о г р а м м ы, а не две разные тактики, и когда оппозиционные политики перебегают от одной к другой, приближаясь то к

одной, то к другой (в зависимости от того, сколько они колотушек получат от рабочих по затылку), мы говорим: извините, любезные, это — недостойная игра, с платформой «термидора» мы никого в партии оставлять не будем.

2. ТАКТИКА ОППОЗИЦИИ.

Из всего этого, как я уже говорил, вытекает и тактика, которую проводят оппозиционеры. Я не буду здесь останавливаться опять на этих вопросах, пересказывать дело, начиная с «лесных братьев» и кончая всякими дачами, захватом МВТУ и пр. Из газет вы всю эту «музыку» знаете, я хотел бы только сказать, что в общем мы здесь уже имеем все формы борьбы, кроме одной, имя которой: вооруженное восстание. Мы имеем нелегальщину, нелегальные типографии. Мы знаем, как Раковский в Харькове организовывал полустачку. Это вам уже показывает, что они не будут останавливаться перед переходом к стачечной борьбе. Мы имеем, затем, уличные демонстрации. Не вина оппозиционеров в том, что они вывели вам на улицу лишь разбросанные кучки, что у них кишка оказалась тонка. Важно то, что они перешли к уличной борьбе. Но если уже есть попытка уличной демонстрации, есть попытка организации стачечной борьбы, то дальше следует только одно — вооруженное восстание.

1050455
Ф 30045
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Никаких форм промежуточных больше нет. Все промежуточное исчерпано в той лестнице форм борьбы, которая в природе существует вообще. Нелегальная борьба, мобилизация своих сил, агитация, пропаганда, массовое действие, уличные выступления, стачка плюс демонстрация. За этим следует лишь демонстрация плюс восстание. Дальше некуда итп.

У них — другая программа, флаг которой был вывешен в знаменитом положении о термидоре; у них — другая тактика, которую нельзя иначе назвать, как тактикой повстанчества против советской власти и нашей партии, первый флажок которой был вывешен в известном тезисе о Клемансо, от которого Троцкий отбрехивался и говорил, что там не так изложено. Теперь смысл этого тезиса всякому дураку виден. Это означает переворот в нашей стране, это означает другую власть, это означает другую партию. Конечно, у оппозиции стояла перед глазами лишь перспектива захвата руководства партией. Они думали, что у них такой огромный авторитет в стране, что это легко будет провести, что они смогут всех и всякого убедить, и что клемансистский переворот произойдет безболезненно. Троцкий покажется, два вузовца покричат: «Да здравствует вождь Красной армии», и, дескать, готово. Дескать, все рабочие только того и ждут, чтобы этот переворот произошел. Дескать, все ждут пришествия оппозиционных «спасителей». Как только они появятся на ступеньках своего храма, все будет сде-

лано безболезненно, никаких кровавых столкновений, без всякой гражданской войны. Вот на что они надеялись. Но жизнь показала другое. Ничего не получили в партии. Потом сами стали апеллировать ко всем и каждому. Стали апеллировать к широким массам, но широкие массы набили им все скулы. *(Смех.)* И нужно им теперь создавать какое-то самоутешение. Это самоутешение сегодня пропечатано в признаниях одного товарища, который перешел теперь на нашу сторону, но который раньше входил в состав областного комитета оппозиции и присутствовал на заседаниях об'единенного ЦК Зиновьева и Троцкого на квартире у «об'единенного» Смилги. *(Смех.)* Самым трагикомическим, а по чести говоря, просто комическим, является то, что когда они собрали всех своих людей, то констатировали с полным единодушием, что они «просыпались». Признавшись у себя в том, что «просыпались», они на следующий день представили в ЦК две бумаги, где пишется, что за них был весь миллион. Они прислали бумаги, где говорят, что все решительно были за них и что только жалкая кучка «углановских свистунов» была против. *(Смех.)* Оппозиция представляет собою маленькую кучку, и эта маленькая группка живет самообманом, своих вождей водит за нос: вот недавно на одном заводе оппозиционер звонил, чтобы туда приехал Троцкий, дескать, все 100 проц. за него, а что оказалось? Оказалось, что собрание единодушно было против оп-

позиций. Они живут самообманом, иллюзиями, оппозиционными грезами. Казалось бы, пускай грезят. Но то, что они делают сейчас, это вредно не только само по себе, ибо развязывает *другие силы*. Вот, товарищи, тема, которая неоднократно развивалась и которая заслуживает в первую очередь нашего внимания. Если вы сейчас пройдетесь по улице крупного города, то на площади или в трамвае вы увидите, как развязывается эта мелкобуржуазная дрянь в нашей стране. Почему? Потому, что оппозиция развязывает вот эти все силы. Возникают конспиративные кружки, группировки. Вот недавно я из Одессы получил программу «коммунистической рабочей партии», представляющую замечательно интересный документ для характеристики настроений этого рода. По программе можно видеть, что ее писал тертый интеллигентский калач. Она берет тезисы о «термидоре» и «перерождении» и развивает их, накручивает, конечно, и грубее и резче, чем оппозиция: вожди партии обратились-де в новых капиталистов, сосущих кровь, и пятое, десятое. Говорится о том, что мы натравливаем одну нацию на другую. Резко взята антисемитская струя. Но потом сразу выскочили интеллигентские уши. Авторы выискали главную вину в том, что мы натравливаем рабочих на интеллигенцию.

Но совершенно ясно, что опорным пунктом для этой программы явились тезисы оппозиции, развязавшей все эти оголтело-реакционные силы.

Дальше идут разные контрреволюционные прокламации и все прочее. Их развелось сейчас гораздо больше, чем было несколько месяцев назад.

Замечается сейчас некоторый рост кружков и группочек, мечтающих о терроре, о заговоре и пр. Я думаю, что будет полезно показать кулак всей этой шпане *(продолжительные аплодисменты)*, чтобы они знали...

Оппозиционные документы и выступления есть средство оживления третьей силы. Все эти документы и выступления оппозиции мы имеем как раз тогда, когда катится к нам огромная волна международной симпатии. Мы сейчас присутствуем при таком положении вещей, когда даже среди социал-демократических рабочих имеется большой рост симпатии к Советскому Союзу, который нашел свое выражение и в делегациях и в только что закончившемся конгрессе. друзей СССР, происходившем в этом же самом зале. Тут было около тысячи человек иностранных делегатов, но, товарищи, если бы вы поговорили с делегатами, когда они сюда приехали, то увидели бы, как они здесь переделывали себя, с какими настроениями они уезжали отсюда; если бы знали, как они выбирались сюда, какая борьба происходила там, когда они должны были приехать сюда, — вы почувствовали бы, что от них тянутся нити к большим и широчайшим массам рабочего класса. Не случайность — весь их восторг, восторг даже перед этими

парадами физкультурников, не говоря о другом. Их присутствие здесь является доказательством того, что они идут к нашему Союзу, к нашему пролетарскому государству. Отмечу такой яркий штришок на этом конгрессе. Здесь, с этой кафедры говорил один француз, председатель французской делегации, Каломер, который является редактором влиятельного французского журнала. Он все время занимал позицию против нас. Он все время защищал анархическую точку зрения, все время был против нас, думая, что мы душегубы, грабители и т. д. Здесь он сделал заявление от имени французских анархистов и от анархистов, входящих в ряд других делегаций, что они целиком от этой позиции отходят. И в это время Троцкий и компания предлагают нам итти к анархистам!

В Советском Союзе массы идут к нам, а они, оппозиторы, думают, что они идут к рабочим массам и попадают... в кабинет господ Щербаковых. Они говорят, что рабочий класс с ними, что они будут к нему апеллировать, а в это время рабочий класс всего мира идет к нам, к нам идут даже социал-демократические рабочие и говорят нам: «Мы будем свою кровь проливать за защиту Советского Союза». А наши «революционные» оппозиторы заглядывают на Запад и говорят, что у нас, в Советской России, термидор. Разве не ясна картина? Она абсолютно ясна. У нас — разные программа и

тактика. Конечно, мы должны бороться за всякого рабочего, который за оппозиторами идет, но мы не имеем права сделать ни одной идейной, политической уступки людям, которые в своей программе и в вопросах тактики являются совершенно созрелыми и даже перезрелыми меньшевиками.

Из всей этой дискуссии мы можем сделать такой вывод: на XV партийном с'езде перед оппозиционерами будет два пути: либо абсолютно, безоговорочно, безусловно, на деле распустить свою фракцию, отказаться от указанных выше меньшевистских взглядов, либо этого не будет сделано, и тогда соответствующим образом наша партия будет их рассматривать.

Тов. Клара Цеткин на собрании коммунистов-членов конгресса друзей СССР, правильно заметила, что по существу дела решение, которое было принято ЦК, является лишь формальным выражением того, что есть. И это абсолютно правильно. Если желают возвращения к рабочему классу и к партии, пускай возвращаются на основе тех условий, которые им поставит партия на XV с'езде; если будут юлить, уклоняться и пр., никто не пожалеет, никакие массы на защиту их не пойдут. Они думали, что вывод Троцкого и Зиновьева из партии будет сопровождаться, по крайней мере, всеобщей стачкой, а на самом деле рабочие сказали: Наконец-то! Хорошо», — и беспартийные передовики-рабочие пошли в партию...

Наша партия должна теперь поскорее переходить к очередным делам, потому что нам и так «в копеечку» встала такая дискуссия и такая критика.

Нам нужно поднять выше нашу собственную самокритику и нашу положительную работу, потому что, должен заверить, за последнее время мы из-за этой оппозиции начали упускать темп руководства. Всякий понимает, что в особенности руководящему нашему органу, нашему Центральному комитету, и так нехватает времени, чтобы следить за всей огромной машиной, за всем тем делом, которое лежит на плечах нашей партии, и терпеть антипартийные выступления мы больше не будем. *(Аплодисменты.)* Поэтому мы должны перед оппозицией на XV с'езде поставить вопрос со всей прямолинейностью, со всей резкостью, со всей остротой: либо с нами, либо нет, а если будете юлить, как двадцать раз юлили на совещаниях, то мы на это не пойдем, потому что довольно играть «термидором», демонстрациями, довольно играть диктатурой в стране и нашей партией. *(Аплодисменты.)*

II. ИТОГИ НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.

Перехожу к вопросу об итогах нашего строительства и основной линии нашей экономической политики.

Я, товарищи, сегодня не буду приводить цифр, потому что уже все цифры относительно командных высот, индустриализации нашей страны, соотношения между сельским хозяйством и нашей промышленностью, относительно борьбы за снижение цен, частного капитала, накопления и прочего уже изрядно проникли во все мозги, отпечатаны в десятках тысяч разных брошюр, справочниках, книжках, и снова возвращаться к этим колонкам цифр, это — лично для меня — совершенно невозможно, потому что, боюсь, что у меня язык от скуки упадет на пол. *(Смех)*.

Главное положение, которое мы выставляем здесь и которое, по нашему мнению, вполне соответствует действительности, заключается в следующем: несомненным фактом для нас является повышение удельного веса всего обобществленного сектора нашей экономики, т. е. нашей социалистической индустрии, наших банков, транспорта, нашей кооперации. Несомненно укрепление ведущей роли социалистического города над деревней, что выражается в более быстром развитии нашей индустрии по отношению к сельскому хозяйству и укреплении соответствующих связей ее с последним. Безусловно, что в области торгового обращения наша госторговля и наша кооперация заняли целый ряд важнейших стратегических пунктов, причем роль кооперативных и госторговых органов в целом ряде торговых областей превратилась поч-

ти в монопольную. Так, например, обстоит дело на важнейшем стыке между городом и деревней: в области наших хлебозаготовок. Безусловен, следовательно, процесс вытеснения частного капитала из одних отраслей, после чего он перебегает в другую, причем вытесняется и оттуда. Равным образом безусловен рост нашей кооперации, которая уже обнимает изрядное количество, почти около трети, крестьянских дворов. Причем все эти процессы сопровождаются повышением материального уровня рабочего класса и трудящихся вообще. Зарплата растет из года в год неодинаковым темпом, но и в своем номинальном и реальном выражении. Эти вещи мы доказывали, будем доказывать, можем доказывать в любое время с цифровым материалом. Я хотел отметить следующие тенденции, которые важно отметить.

Не нужно ни на одну минуту забывать наличия в нашей стране значительной прослойки с большим сравнительно экономическим удельным весом: мелкую кустарную и ремесленную промышленность. Не нужно забывать, что как раз в эту сферу, т. е. в область мелкой кустарной и ремесленной промышленности, сейчас направились усилия частного капитала. Частный капитал, будучи вытеснен рычагами нашего социалистического преобразования, будучи вытеснен нашей промышленностью, торговлей, нашей оптовой торговлей, нашей кооперацией и пр., в известной мере окопался в кругу

мелкой кустарной и ремесленной промышленности, в частности в системе так называемой домашней промышленности. Нам нужно помнить, что в ряде промотраслей, производящих средства потребления, мы еще имеем частные хозяйства, т. е. ремесленников, находящихся часто под влиянием частного капитала. Если вы возьмете такие отрасли промышленности, как, например, швейная, то там большинство принадлежит частному хозяйству. Если вы возьмете пищевую промышленность, то там роль частного капитала еще очень велика, так что, когда мы говорим о победном марше наших хозяйственных высот и о преобладающей роли нашей крупной промышленности, в первую очередь нашей крупной цензовой социалистической промышленности, мы не должны все же забывать, что в ряде отраслей, и в первую очередь во всем этом секторе ремесленного и полуремесленного кустарного производства, мы имеем еще значительное поле для деятельности частного капитала, который как раз здесь окопался, как раз здесь имеет кое-какие позиции. Между тем эта промышленность непосредственно смыкается с деревней, и здесь, в этой области, частный капитал имеет возможность проводить смычку с верхушками деревни против нас, что здесь гораздо легче, чем с другого конца.

Мы имеем, несомненно, известный рост кулацких хозяйств. Цифр я не буду приводить, о дифференциации вообще разрешите сказать в несколько

ином контексте. Исходя из того, что мы в настоящее время укрепляем командные высоты, что мы вытесняем из целого ряда отраслей обращения нашего основного противника, на основе решения XIV партийного с'езда, утвердившего решения XIV конференции, — Центральный комитет должен был перед собой поставить вопрос о том, какие мы должны сделать тактические выводы. Ответом на этот тактический вопрос явились наши тезисы как по работе в деревне, так и директивы по составлению пятилетки.

Я хотел бы сказать парочку слов относительно нашей стратегической и тактической классовой установки перед XV с'ездом партии.

Перед XIV партийной конференцией (нам нужно это иметь в виду) мы в основном вопросе нашей внутренней политики имели нелады, имели известную размычку (или начало размычки) между рабочим классом и основной массой крестьянства, т. е. между пролетариатом и середняком. Нелишним будет вам напомнить, что эта размычка нашла свое выражение в целом ряде довольно острых фактов политической борьбы в деревне. Мы имели убийства селькоров и рабкоров, волну всевозможных террористических актов против представителей низших ячеек советской власти и даже нашей партии. Раньше этого мы имели так называемое грузинское восстание, попавшее в лапы и в руки дворянско-кулацких слоев и меньшевистской партии. Мы име-

ли весьма острую постановку вопроса о крестьянском союзе. Это был политический симптом, чтобы не сказать больше. Следовательно, действительно начиналась размычка между рабочим классом и крестьянином-середняком. И когда XIV партийная конференция, а за нею позже и XIV партийный с'езд поставили вопрос о ряде мероприятий, то этот ряд мероприятий был направлен в первую очередь на то, чтобы укрепить смычку с основной массой крестьянства — с середняком. Вы помните, что тогда в деревне были остатки военно-коммунистического режима; необходимо было снять эти остатки, так как они вызывали у середняков такое настроение, которое приводило к приостановке запашки и улучшений в хозяйстве из-за боязни «рассереднячивания». Чтобы середняцкая масса крестьянства эту боязнь потеряла и чтобы она могла развивать свое хозяйство, нужно было уничтожить остатки военно-коммунистического режима в деревне. Это нужно было сделать. Если бы мы этого не сделали во время XIV конференции и XIV партс'езда, мы бы не имели примирения с основной массой крестьянства, а, наоборот, расхождение между рабочим классом и крестьянством все более и более раздвигалось бы, на почве чего, вопреки всем уверениям оппозиции, кулак взял бы на буксир середняка, поссорил бы середняка с пролетариатом еще больше, и мы могли бы дойти до известного политического кризиса в нашей стране. Вот как об-

стояло дело ко времени XIV конференции. Мы выступили с рядом мероприятий, основной политический смысл которых заключался в том, что мы уверенно перешли на рельсы революционной законности в деревне, каковая абсолютно необходима с точки зрения улучшения крестьянского хозяйства, потому что крестьянин не мог и не может хозяйничать, если он заранее не знает, сколько, когда, в какие сроки будут от него брать и будут или не будут его дергать. Вот почему мы обязаны были пойти на те мероприятия, на которые пошли XIV партконференция и XIV партс'езд. Эти вещи были тогда настолько убедительны, что за решения XIV конференции, которые были утверждены XIV партс'ездом, голосовали Зиновьев, Каменев и Троцкий.

На XIV с'езде Зиновьев и Каменев выступили против ЦК. Что касается Троцкого, то должен сказать на основании документа, — ЦК получил на днях письмо тов. Антонова-Овсеенко, который все время был целиком с Троцким, — что на XIV партс'езде Троцкий был настолько согласен с партийной линией, что хотел даже выступить самым решительным образом против Зиновьева и Каменева. А через 3—4 месяца он оказался уже в блоке с теми, против которых он только что хотел выступать, в блоке против ЦК, за который он только что хотел выступать. Вот

она — величайшей «принципиальности» «линия», грустная повесть о том, как создается басня-«поэма» о термидоре!

Мы должны были проделать на XIV конференции и XIV с'езде тот маневр, который мы проделали. Когда мы сейчас, через два года, приходим к новому партс'езду, к новому высшему судье политики Центрального комитета, мы в первую очередь должны себя спросить: вот эта политика, которую мы два года проводили, достигла она своей основной цели, т. е. примирения с середняком? Мы на это отвечаем: она достигла этой цели, потому что что́ бы ни говорили про наши недостатки — их у нас очень много — что́ бы ни говорили про наши огромнейшие прорехи, в особенности в области деревенской работы, — их у нас тысячи, — не подлежит сомнению основной социально-классовый итог, что за эти последние два года отношения между рабочим классом и основной крестьянской массой, т. е. середняком, в первую очередь, улучшились. Этого отрицать никто не может. Этого отрицать нельзя, потому что это есть основной факт нашей политической жизни и политической жизни нашей страны. И вот, когда мы это проделали, когда мы этих завоеваний достигли, когда мы эту основную центральную, во время XIV партс'езда, задачу разрешили, когда мы сейчас кулака политически изолировали, несмотря на его хозяйственный рост и повыше-

ние веса его в хозяйственном развитии, в экономике сельского хозяйства, в экономике деревни, когда рабочий класс более крепко связался с середняком-крестьянином, когда мы достигли целого ряда результатов в области организации деревенской бедноты и батрачества и их сплочения с середняком против кулака, когда у нас уже имеется другая расстановка классовых сил в стране, — нашей центральной задачей является не успокоение середняка, а упрочение союза с ним и наступление вместе с середняком на кулака.

Так, товарищи, обстоит дело с основной социально-классовой стратегической установкой теперь. Когда со стороны оппозиции нам задают вопрос: ага, вы делаете политический зигзаг, или, как про меня сказал Троцкий, что Бухарин «теоретическую кобылу» поворачивает то хвостом, то мордой, я, конечно, посмеюсь над этой «кобылой», но должен сказать, что если ты ее раз повернул хвостом, то второй раз она повернется мордой, это — закон. Но должен сказать еще, что все политическое искусство, искусство наездников, которые руководят этой «кобылой», в том и заключается, что ты должен во-время поворачивать ее хвостом, когда нужно, и во-время поворачивать ее мордой, когда этого требует расстановка классовых сил. *(Смех.)* Если бы мы поворачивали ее так, как предлагала оппозиция во время XIV партс'езда, мы разорвали бы

наш союз с крестьянином-середняком. Если мы теперь начинаем говорить относительно усиления наступления на капиталистические элементы, или кулацкие, то не потому, что нам «взгрустнулось», или оппозиция «подхлестнула» нас, или нам сон приснился хороший, или что «мы сбрендили», а потому, что за два с лишним года, с XIV конференции и с'езда, мы решили ту задачу, которую мы себе тогда ставили. Когда мы в большей степени можем помочь бедноте, когда оперились (не выросли еще как следует, а оперились только) наши организации деревенской бедноты и батрачества, теперь, конечно, другое наличие ресурсов и средств, и мы нашу «кобылу» поворачиваем так, как это нужно пролетариату. Мы должны сказать, что если оперировать с этой «кобылой» и дальше, то мы будем и в будущие годы поворачивать так, как это будет определяться правильным учетом изменяющихся классовых сил. В этом весь гвоздь. Нужно учесть классовые силы и в зависимости от этого маневрировать и определять свою политику.

III. ТРУДНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И НАШИ ЗАДАЧИ.

Я, товарищи, хотел развить несколько мыслей относительно трудностей нашего экономического строительства теперь. О достижениях я сказал в

самой общей форме, разрешите остановиться подробнее на трудностях. Мы должны сознавать ясно, что из факта нашего роста, который будет итти и дальше, симптомы этого мы видим на каждом шагу; мы можем ощущать этот рост физически, — из этого отнюдь не следует, что все будет итти как по маслу. Я полагаю, что этот год будет очень трудным годом. Это нужно ясно видеть. Мы будем иметь ряд дальнейших достижений, но у нас будут и затруднения, вызываемые как внутренними причинами, так и внешними осложнениями. Я должен сказать, что мы уже теперь имеем ряд экономических трудностей, связанных с международным положением. Эти трудности идут извне. Такие вопросы, как вопрос о наших торговых отношениях, как вопрос о кредитах, испытывают ряд затруднений. Англия ведет против нас определенную политику, она влияет на целый ряд стран, вплоть до Германии, которая в области кредитов, заказов и пр. сейчас держится более чем прохладной точки зрения по отношению к нам. Это стоит в связи со всем комплексом международных вопросов, и мы здесь за последнее время имели, и нельзя сказать, что не будем иметь в ближайшем будущем, затруднения, что может, понятно, отразиться и на нашем внутреннем строительстве (экспортно-импортный план, производственные программы и т. д.). Вот, товарищи, например, известно, что предупреждения о военной опасности и о подготовке к

войне, которые были подняты нами своевременно, они другим концом ударили против нас. В чем это выразилось? В повальной закупке и заготовке муки, сахара и т. д. Это создало новый добавочный спрос сверх обычного. Крестьянство стало придерживать хлеб у себя, стал образовываться натуральный запас хлеба, хлеб не выбрасывался на рынок. Я должен сигнализировать московской партийной конференции совершенно открыто и прямо об опасности довольно сильного падения цифры нашего хлебного экспорта. Если можно говорить об исправлении, нашем реагировании на такое положение, то оно должно заключаться в нашей мирной политике, в такой политике, которая по возможности дала бы нам известную оттяжку, затянула бы развитие международных событий, неблагоприятных для нас. И с этой точки зрения та партийная линия, которая была намечена и которая была неоднократно подтверждена пленумами ЦК, она остается и сейчас правильной и непоколебимой.

1. ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ.

Если мы перейдем к собственно внутренней экономической политике, то в первую очередь я имею в виду те затруднения, какие мы имели в эти годы и будем иметь еще и впредь в области нашего основного капитала. Нам приходится вести вперед наше капитальное строительство, капитальное стро-

ительство нашей социалистической индустрии в условиях, когда мы должны опираться и в дальнейшем на наши собственные внутренние ресурсы. В противоположность всякой другой стране, которая строится и обстраивается на основе иностранных займов и кредитов, мы строимся сами; вопрос об источниках для основных капитальных вложений будет играть для нас крупнейшую роль и в будущем, ибо нам приходится вкладывать огромной величины капиталы в тех условиях, когда в наличии имеется неизжитый товарный голод. Если вкладывать те капиталы, которые мы собираем по копейке из разных источников города и деревни, в быстро реализующееся легкое строительство, если вкладывать их с расчетом, чтобы можно было быстро возвращать в виде готовых продуктов и, таким образом, ускорить оборот капитала, а в то же время смягчить при помощи этого капитала те затруднения, которые имеются в связи с неизжитым товарным голодом, — это был бы выход из положения. Но мы не можем вести такую политику, чтобы не вкладывать значительную сумму капитала в капитальное строительство в области тяжелой индустрии, и центр тяжести мы не можем не перекладывать на производство средств производства. Между тем нужно видеть, что вложения в крупнейшие заводы, например по металлургии и пр., мы реализуем только через ряд лет. Получается, что деньги собираем и вкладываем, а на товарно-

потребительском рынке это еще не ощущается так быстро и непосредственно, как бы нам хотелось.

Эта задача, проблема основного капитала, будет точно так же мучительно и жгуче стоять в течение ближайших лет. С другой стороны, теми ресурсами на капитальное строительство, которые у нас имеются, мы не можем маневрировать, и, вложив определенную сумму в капитальное строительство, мы не можем ее по-другому перераспределить. Мы чрезвычайно связаны. Особенность нашего теперешнего хозяйственного строительства заключается в том, что ко всем неблагоприятным условиям, которые мы имеем (недостаток капитала в нашей стране), прибавляется и отсутствие резервов. Мы поэтому правильно в пятилетке дали директиву итти на то, чтобы создать резервы. Эта директива является особенно необходимой.

Нужно приложить все усилия, чтобы в ближайшие годы, не ломая наших производственных программ, выполнить директиву относительно резервов. В связи с этим стоят и трудности нашего планирования, потому что если бы мы жили в покое и к нам не могли вторгнуться каждую секунду факторы, которые лежат вне нашей воли, вроде атаки на нас со стороны иностранного империализма, тогда мы в общем и целом шли бы быстрее и несравненно спокойнее.

2. О РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБ ИНТЕНСИВНОСТИ ТРУДА.

Следующим вопросом, на котором я хотел бы остановиться, является вопрос о себестоимости и, дальше, о рационализации нашего производства. Товарищи, нам нужно совершенно серьезно продумать вопрос о себестоимости нашей продукции, потому что нечего и говорить о соревновании с иностранным капитализмом, о смычке с деревней, об усилении ведущей роли социалистического города без того, чтобы не прилагать всех усилий для разрешения проблемы себестоимости. Проблема себестоимости упирается у нас в целый ряд факторов. Она упирается в старую технику, в вопрос о переоборудовании нашей промышленности, она упирается в плохую организацию труда и в производстве и в распределении. Она упирается в высокие накладные расходы, которые мы снижаем, но которые мы еще не снизили до необходимого и возможного уровня. Она упирается в неэкономное и нерациональное использование нашего топлива и сырья. Она находит свое выражение и в том, что доля заработной платы на единицу продукта еще крайне велика. И вот на этом вопросе я бы хотел остановиться, потому что это есть вопрос, на котором чрезвычайно многие сбиваются и путаются.

Например, у оппозиции имеется такой тезис или полутезис: дескать неправильно выставлять положение, что доля зарплаты должна понижаться, это-де есть антисоциалистическая политика. Это — вздор, это — зеленая чепуха, потому что всякому дураку понятно, что когда мы переходим на лучшее оборудование, когда, скажем, на электрических станциях вместо трех человек начинает управлять пара человек огромной машиной, то эта высокая техника находит выражение, между прочим, и в том, что доля живого труда в единице продукта падает. В этом находит свое выражение технический прогресс, и кто полагает, что доля живого труда на единицу продукта должна оставаться той же самой, тот предлагает нам экономическое безграмотство. Только абсолютно неграмотные люди могут защищать такое предложение. Вопрос о постоянном повышении материального уровня рабочего класса, это — несколько другой вопрос.

Следовательно, заботясь о переоборудовании нашей промышленности и в то же время ведя курс на постоянное повышение материального достатка рабочего класса, нам в то же самое время нужно — путем рационализации промышленности, лучшего использования сырья, повышения органического состава капитала наших предприятий, рационализации по всей линии — итти по той линии, чтобы доля зарплаты в себестоимости нашей продукции понижалась. Все дело заключается у нас именно в

отсталости, в неопреодоленном еще нами производственно-техническом варварстве. Я, товарищи, должен сказать, что эта проблема себестоимости является у нас центральной проблемой, о которой мы не должны забывать ни на одну секунду.

Со стороны оппозиции с вопросом рационализации происходит самая недостойная игра. С одной стороны, Троцкий всюду и везде говорил о сравнительных коэффициентах (по сравнению с мировыми показателями). Но если мы в то же время противодействуем рационализации нашего производства, то все разговоры о мировых коэффициентах превращаются в обман всех трудящихся. Тем более, что у нас есть некоторое сопротивление со стороны отдельных прослоек рабочих рационализаторским процессам. И нам нужно ставить вопрос совершенно открыто и в упор: хотим ли мы оставаться на кустарном уровне нашей промышленности или хотим переоборудовать нашу промышленность на основе самой возможной для нас сегодня высшей техники? И так же открыто сказать, что тот, кто желает оставаться на доморощенном уровне нашей техники, тот — экономический реакционер. Если он будет болтать в то же время о мировых коэффициентах, то это—реакционер-обманщик.

Нам, рабочему классу, нужно поставить проблему рационализации—и технической, и организа-

ционной, и прочей—как центральную проблему текущего дня, и никаким элементам, даже находящимся в наших же собственных пролетарских рядах, не сдавать в этом вопросе ни пяди. Нам нужно заботиться всеми силами о том, чтобы рационализаторский процесс происходил наиболее безболезненно, чтобы он сопровождался повышением материального уровня наших рабочих, чтобы он (что я считаю колоссально важным) сопровождался не оттиранием рабочих от производства, а, наоборот, добавочным вовлечением рабочих в производственный процесс и в управленческую работу. Это все — наша священнейшая обязанность, но это не отрицает, а предполагает самую энергичную борьбу за более высокий технический уровень, ибо без этого мы не можем развернуть нашей работы. И всякое баловство с этим вопросом, которое проводит оппозиция (рационализация превращается-де в нажим на рабочих) это есть политическое шарлатанство, это значит играть с важнейшими проблемами социализма, и этой игры мы не допустим, это будет недостойно нашей партии, которая ведет рабочий класс вперед, а не заставляет его топтаться на одном месте.

И еще одна сторона дела. Я не сделаю ошибки, если поставлю вопрос об интенсивности труда прямо. Рационализация будет сопровождаться ростом интенсивности тру-

да, и я считаю, что увиливать от этого вопроса нельзя.

Абсолютный вздор думать, что если мы вводим конвейерную систему, то это не будет сопровождаться ростом интенсивности труда. Конечно, будет. Если сейчас оппозиция кричит: «Ага, значит, нажим на рабочий класс, вы хотите бо́льшую интенсивность труда», мы должны прямо сказать: да, бо́льшая интенсивность труда. Мы одновременно скажем, что мы должны при этом ставить рабочего в такие условия, чтобы он сам, его рабочая сила внутренне перерождались в смысле своей способности развивать более интенсивный труд с минимумом неприятных ощущений для себя, с уменьшением этих неприятных ощущений против прежнего, менее интенсивного труда. Вот наша установка. Нельзя думать, что рабочая сила будет вечно оставаться такой же, как сейчас. Если среднего нашего рабочего перевести в Германию или лучше в Америку, он устанет в 10 раз скорее, чем самый обыкновенный, средний американский или немецкий рабочий, ибо его (нашего рабочего) сила, она — низшего порядка по сравнению с рабочей силой немецкого рабочего, и поэтому наш рабочий больше устанет от менее интенсивного труда, чем немецкий рабочий при высокой интенсивности. Мы не стоим на капиталистическом пути, и рост, повышение качества нашей рабочей силы

будет сопровождаться чем-то, что отличает улучшение нашей рабочей силы и рост возможностей для интенсивного труда от условий капиталистического режима. Чем? Вот первое мероприятие, которое показывает чем: переход на семичасовой рабочий день, потому что семичасовой рабочий день — это есть величайшая компенсация, которая всю проблему роста интенсивности труда ставит на другие рельсы, чем в капиталистической стране. В этих других рамках мы и должны вести дело. Конечно, сейчас рано думать о том, что мы могли бы осуществить требование нашей программы. У нас в программе относительно рабочего дня написано, что мы в конце концов должны перейти на шестичасовой рабочий день, с условием, чтобы минимум 2 часа люди обучались теории производства, государственного управления и военного искусства. Значит, более интенсивный труд компенсируется сокращением рабочего дня, повышением качества, качественным «перерождением» рабочей силы, что будет ускоряться универсальным изучением производства, вовлечением в управленческую работу, перемещением центра тяжести трудовых усилий с мускульных на нервно-мозговые. Следовательно, когда мы говорим о желании иметь новую технику, тем самым мы говорим, что будет бо́льшая интенсивность труда, облегчающаяся и сопровождающаяся «перерождением» самой рабочей силы. И не

нужно бояться этого признания. Это—совершенно неизбежный факт, глупо от этого отвертываться. Мы должны говорить беспартийным массам: да, интенсивный труд, но зато мы будем проводить сокращение рабочего дня и будем помогать тебе в твоем культурном росте.

Возьмите среднего нашего рабочего, не привыкшего к собраниям и работе на наших собраниях. Всякий знает, что через полчаса — час такой человек заснет, а мы с вами будем сидеть и 2, и 3 часа, и четыре, потому что привычка такая образовалась, тренаж. Наша рабочая сила в этом отношении, так сказать, качественно переродилась в смысле способности развить более интенсивный труд без быстрого истощения. Это значит, что рабочая сила уже приобрела такие навыки, такой характер, что она способна развить большее количество энергии. В этом заключается одна из проблем воспитания нашей рабочей силы. Мы не можем держаться за такой темп работы, такой ее ритм, такую работу с прохладцем, которая скорее относится к каменному веку, а не к эпохе новейшей техники.

Мы должны итти здесь вперед, но не отупляя рабочего, как в капиталистических странах, а давая ему полную возможность путем сокращения рабочего дня и путем культурной и общеполитической работы перевоспитать самого себя. На этом

пути мы действительно будем мало-помалу создавать социалистических работников, новых рабочих и соответственным образом новую, социалистическую рабочую силу

3. ТОВАРНЫЙ РЫНОК И БЕЗРАБОТИЦА.

Дальнейшая трудность и дальнейшая задача, которые стоят сейчас перед нами, это—вопрос относительно нашего товарного рынка, товарного рынка промышленной продукции, и наших хлебозаготовок. Мы за последнее время не можем констатировать особого обострения товарного голода, как это утверждается оппозицией. Хлебные хвосты нельзя брать в качестве решающих показателей нашей экономики: это—чисто кон'юнктурное явление, которое уже теперь изживается и, по всей вероятности, будет скоро изжито. Но мы не изжили общей проблемы товарного голода. И в связи с этим перед нами стоит опасность, что мы не в состоянии будем извлекать в значительной мере тех хлебных излишков, которые должны были бы быть нами извлечены из деревни. Мы сейчас имеем рост натуральных хлебных запасов, откладывание их в деревне, что связано с нашими кон'юнктурными и международными затруднениями. Но нужно сказать, что у нас предложение несколько отстает от спроса. Я лично сторонник того взгляда, что у нас всегда предложение будет отставать от спроса, по

тому что в нашей хозяйственной структуре заложен такой рост потребностей, который и гонит нашу промышленность, чтобы она развивалась. Но у нас все же есть и товарный голод, который мы должны разрешить рационализацией, обновлением и расширением основного капитала. Нового здесь ничего не выдумаешь. Дело заключается не в том, чтобы выдумать новый рецепт, а в исполнении тех решений, которые мы выносили, в том, чтобы эти решения действительно и на деле проводились.

И, наконец, товарищи, я хотел упомянуть еще об одной проблеме, где тоже не выдумаешь много рецептов, но о которой нужно упомянуть с точки зрения расположения классовых сил и политического положения. Это — вопрос о безработице. Еще на прошлой конференции, где я тоже был, если не ошибаюсь, докладчиком, я выступал в этом самом зале с вопросом о безработице и говорил, что нашу безработицу нужно лечить с двух концов: это, во-первых, в деревне — путем развития интенсивных культур и индустриализации сельского хозяйства, что помогло бы задержать рабочие руки на самой земле, и с другого конца — расширением нашего промышленного производства. Жизнь целиком оправдывает это положение, и мы должны только подчеркнуть со всей силой и со всей настойчивостью необходимость на деле проведения этой политики, т. е. развитие интенсивного хозяйства на земле, индустриализацию сельского хозяй-

ства, расширение промышленного строительства; сюда присоединяется вопрос о рационализации и о 7-часовом рабочем дне, о возможно более непрерывной работе в промышленных предприятиях (при наличии сырья), что позволяет при сокращении рабочего дня вводить дополнительную смену, что позволяет расширить количество рабочих.

Вот те вопросы, которые стоят сейчас перед нами в области чисто экономического строительства. Как вы видите, мы не можем сказать, что у нас все сделано и что у нас нет никаких трудностей и задач, а что мы будем дальше как по паркету итти вперед. Наоборот, в ближайшее время мы будем встречаться с большими трудностями. Эти трудности в общем и целом есть трудности, вытекающие из того, что в нашей стране нужно совершать великое дело, которое требует изрядного вложения капитальных сумм. Это — главная проблема: как в нищей стране сколотить богатый капитал для индустриализации. Она предполагает огромнейшее напряжение сил, огромнейшее напряжение средств. Мы работаем в области планового хозяйства с большим напряжением. Но мы полагаем и считаем, что при условии величайшей дружности наших рабочих в деле рационализации, экономии, снижения себестоимости, собирания распыленных сбережений в городе и деревне мы эти трудности преодолеем.

К этому разделу я хотел бы еще прибавить, что за последнее время у оппозиции появилась одна, самая гнусная, нота, которая заключается в натравливании рабочих на наших красных директоров. Говорят о присваивании прибавочного труда, создаваемого рабочим классом. Это натравливание есть гнусность. Само собой разумеется, что весь ряд труда, не относящегося к области материального производства, — будь то труд школьного учителя или труд организатора, скажем, Красной армии, — в конечном счете может проходить только, если соответствующие люди потребляют то, что создается в области материального производства. И нет ничего плохого в том, что известный кадр наших людей, наших работников из этого источника черпает и действительно работает на пользу рабочего класса. Это — не то, что наши оппозиционные суб'екты, которые тоже живут из этого же источника, но разрушают дело рабочего класса. *(Взрыв аплодисментов.)*

IV. ПЕРЕГРУППИРОВКА КЛАССОВ В СТРАНЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Я перехожу к анализу соотношения классов внутри нашей страны. Всякому понятно, что классовая борьба в нашей стране в первую очередь находит свое выражение в борьбе различных хозяйственных форм, и что главнейшей классовой побе-

дой рабочего класса в нашей стране является сейчас непрерывное продвижение вперед социалистической индустрии и командных экономических высот, находящихся непосредственно в руках победоносного рабочего класса. Однако будет нелишним взять этот процесс классовой борьбы и с точки зрения самих классов непосредственно, т. е. проанализировать, что делается в среде живых людей, на базе основных перегруппировок между хозяйственными формами в нашей стране, о чем я говорил в предыдущем изложении.

1. ПРОЛЕТАРИАТ.

Возьмем, прежде всего, пролетариат и спросим себя: какие главные процессы происходят внутри рабочего класса нашей страны? Что можем сказать мы относительно рабочего класса и о тех изменениях, которые происходили здесь на базе общего хозяйственного строительства Советского Союза?

Постараюсь отметить главные факты, заслуживающие, на мой взгляд, нашего внимания. Прежде всего, мы имеем бесспорный факт числового роста рабочего класса нашей страны. Если в предыдущую полосу нашего развития, во время «военного коммунизма» и в самых начальных стадиях новой экономической политики, в голодное время, мы видели распыление рабочего класса, то за все последние годы, наоборот, мы видим про-

цесс сплочения рабочего класса. Это находит, во-первых, свое выражение в увеличении числа пролетариев. Вторым фактом, который мы должны отметить, является повышение удельного веса рабочего класса в общей массе населения страны. Растет из года в год не только число рабочих, и в том числе в первую очередь число индустриальных пролетариев, но и процент рабочего класса по отношению к общему населению страны, т. е. удельный вес рабочего класса. Если мы посмотрим на рабочий класс с точки зрения его жизненного уровня, то точно так же мы с абсолютной ответственностью можем заявить, что в общем и целом мы имеем непрерывный рост зарплаты и в номинальном и в реальном ее выражении, непрерывное повышение материального жизненного уровня рабочего класса. Это — три факта, которые, мне кажется, должны быть отмечены в первую голову.

Но есть и другие процессы. Внутри самого рабочего класса происходят перегруппировки. В своем составе рабочий класс претерпевает известные изменения. Какого рода изменения? Во-первых, понижается удельный вес высококвалифицированной, специфической верхушки рабочего класса; это стоит в связи с начинающимся процессом рационализации нашей промышленности, который ослабляет значение некоторых высококвалифицированных слоев рабочего класса, связанных с определенной техникой и определенным обучением.

С другой стороны, мы имеем повышение массовой квалификации, т. е. средних квалифицированных слоев, и повышение удельного веса особенно этой прослойки, этой большой группы рабочего класса в нашей стране. Далее мы имеем процесс вовлечения совершенно новых не обработанных слоев, которые впервые становятся, входят в состав индустриального рабочего класса. Теперь уже закончился процесс всасывания старых рабочих, старых кадров рабочих, которые в голодные годы ушли из городов. Теперь мы имеем процесс втягивания новых рабочих, которые не были до сих пор индустриальными пролетариями, которые впервые приходят на фабрику, которые впервые становятся фабрично-заводскими рабочими. Наконец, мы имеем перегруппировку внутри пролетариата в силу естественного роста, биологического роста пролетариата, т. е. мы имеем подход рабочей молодежи, детей рабочих, вступающих в производственный процесс. Следовательно, мы имеем здесь известную возрастную перегруппировку, которая есть совершенно нормальное явление, которое будет повторяться и в дальнейшем. Наконец, в связи с целым рядом трудностей, которые у нас сейчас есть, в связи с избыточным населением в деревне, в связи с тем, что расширение нашей продукции идет далеко не в ногу с ростом избыточных рабочих рук, мы имеем известную прослойку безработных рабочих, часть из которых является хронически безработными, другая часть

которых является безработными более или менее кон'юнктурного порядка. Таковы процессы внутри самого рабочего класса.

Налицо несомненный процесс консолидации пролетариата. Это — первый и главнейший вывод, поскольку мы анализируем положение рабочего класса. Само собой разумеется, что числовой рост рабочего класса вовсе не прямо пропорционален росту политического влияния рабочего класса в стране. Политическая роль рабочего класса возрастает больше, чем простой численный рост рабочего класса. Это — закон. Поэтому одна из величайших ошибок оппозиции заключается в том, что она вне всякого соответствия с действительностью и прямо в противоречии с азбукой марксизма представляет положение так, что роль рабочего класса в экономике и политике страны «свертывается». На деле она не может не повышаться, и она повышается. Однако перегруппировки в среде рабочего класса, и в первую очередь вступление в состав рабочего класса новых рабочих слоев и рабочей молодежи, ставили и ставят перед нами задачи, которые мы до сих пор, я считаю, не разрешили, и решение которых еще больше ускорит рост политического влияния пролетариата в стране. На эту сторону дела, мне представляется, нужно обратить сугубое внимание.

На московской конференции перед XIV с'ездом партии, когда была первая перекличка между ле-

нинградскими оппозиционерами и московской организацией, я выдвигал этот вопрос о новых слоях рабочего класса. Мне кажется, что жизнь целиком подтвердила своевременность постановки этого вопроса. Если мы по чистой совести спросим себя, что мы сделали для специальной обработки этих слоев, то я должен сказать, что мы сделали здесь чрезвычайно мало. У нас этот процесс обработки идет стихийно. Вовлекаются новые слои рабочих, они принимают участие на-ряду с другими рабочими в производственных совещаниях и в других органах рабочего класса, они поставлены в общую систему нашей пролетарской диктатуры и поэтому, разумеется, вовлекаются в культурно-воспитательную и культурно-политическую работу. Такова, так сказать, наша система, которая дает уже сама по себе рамки для этого процесса. Но если мы спросим себя, что мы сделали хотя бы в области создания специальной литературы для этих слоев рабочего класса, в области специального раз'яснения специфических черт нашего строительства и пр., то здесь мы сделали очень мало. Эту ошибку нужно возможно скорее исправить, в частности в связи с оппозицией, которая ведь апеллирует прежде всего к этим слоям рабочего класса. Оппозиционные документы стараются, ведь, нащупать именно это больное, недостаточно здоровое место. Сезонные рабочие, полурабочие, безработные — вот эти клавиши берут как раз на оппозиционном рояле наши почтенные оп-

позиционеры. Но и независимо от оппозиционеров нельзя забывать об этих слоях. Это представляет специфическую, особую задачу, довольно трудную задачу. Мы пишем почти все наши брошюры, книжки, произносим речи в расчете на старого рабочего-кадровика, который имеет в своей голове массу предпосылок: он знает, как было раньше, он знает, чего мы достигли, знает нашу фабрику, знает наши недостатки, и в то же время он может уложить эти недостатки в правильную перспективу. Не то у новых слоев рабочих, которые не видели старого порядка, старой фабрики. Не то и среди молодежи. Поэтому совершенно понятно, что рабочий-кадровик идет целиком за нас, а если и есть у оппозиции небольшой привесок, то это среди молодежи и новых слоев рабочих и новых безработных.

Мы должны внимательно следить за перегруппировками в рабочем классе, не обольщаясь общим положением, что «в общем» рабочий класс консолидируется. Рабочий класс консолидируется, его удельный вес безусловно растет, его мощь и социальная сила вырастают. Но наша задача заключается в том, чтобы даже на сравнительно небольшие больные места обращать сугубое внимание и понимать, что нужно предпринимать целый ряд мероприятий, которые могли бы втянуть не только стихийно, но в известном порядке новые слои рабочего класса. Переделывать природу рабочего клас-

са — наша постоянная задача, переделывать полукрестьянскую психологию новых слоев рабочего класса — наша сугубая задача. Ведь и по отношению к нашей партии нелепо требовать, чтобы, допустим, все время был один и тот же процент революционеров с подпольным стажем до 1905 г. Это значит не понимать того, что мир изменяется, что одни люди умирают, а другие люди рождаются. То же самое с рабочим классом, и не обращать внимания на состояние рабочего класса, на его состав было бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Так обстоит дело с рабочим классом.

2. КРЕСТЬЯНСТВО.

Если мы теперь поставим вопрос о крестьянстве и спросим себя насчет процессов, которые здесь происходят, то уж на основе нашего общего экономического анализа, которого я не давал потому, что я предполагаю его всем известным, мы видим, какие тут главные процессы. Мы имеем специфическую дифференциацию крестьянства в нашей стране. Об этом писалось и говорилось много. Мы имеем дифференциацию, своеобразие которой выражается, — я говорю это очень условно и не претендую на особую точность выражения — выражается, в частности, в известной стабилизации числовой величины среднего крестьянства. В общей сумме крестьянской массы у нас остается, мне кажется, примерно то же количество середняцкой прослойки в качестве основ-

ной фигуры. Мы имеем числовой рост батрачества и несомненный рост кулака, рост его хозяйственного значения, потому что кулаки представляют из себя группу с более сильным хозяйством, и, наконец, уменьшается количество бедноты. Таковы в основном процессы в составе самого крестьянства. Крестьянин-середняк остается основной массой. Кулачество растет. Количество батраков возрастает. Сокращается беднота.

Нужно иметь в виду еще следующее обстоятельство При всех успехах, которые мы делаем в области организации деревенской бедноты и батрачества и их сплочения со средним крестьянством, мы все же должны видеть, что очень часто эти организации не в достаточной степени выполняют свою роль и потому, что на стороне кулака имеется преимущество: культурно-политическая выучка. Можно было бы привести много примеров, когда кулак из-за этой выучки забивает местные организации батраков и бедноты. Это об'ясняется слабым культурно-политическим уровнем наших людей в деревне и сравнительно большой культурно-политической грамотностью представителей кулацких слоев.

Необходимо усилить, несмотря ни на какие достигнутые результаты, культурно-политическую работу и работу по созданию грамотных и пролетарски-выдержанных кадров, обслуживающих нашу деревню.

Нам нужно еще обратить внимание на крестьянскую молодежь. Я тут несколько забегаю вперед, потому что то же самое нужно сказать и относительно рабочего молодняка. Я думаю, что нужно всем нам, всей партии, подумать насчет проблемы, которая у нас сейчас, в последнее время была в загоне, — проблемы партийного руководства комсомолом. Мы воспитываем огромные кадры молодежи, через наш союз молодежи пробуждая их к активной политической жизни: между тем поскольку они вырастают уже за пределы самого комсомола («переростки»), мы вынуждены запирать партийные ворота для огромного количества людей, прошедших очень большую партийную выучку в рамках комсомольской организации. И когда мы им говорим, что хотим сделать из вас беспартийный актив, они говорят, что нас хотят сдать в беспартийный архив. Нужно сказать, что это большая проблема, которую нужно поставить. Я не берусь этой проблемы сейчас решать, для этого нужно специальное изучение опыта, но я думаю, что ее нам нужно перед собой поставить, потому что в общей механике нашей страны и в общей механике наших приводных ремней, обеспечивающих пролетарское руководство, есть много слабых сторон. Нужно прощупать то или иное решение этих вопросов.

Вот то главное, что я хотел сказать относительно крестьянства.

3. РЕМЕСЛЕННИКИ И КУСТАРИ.

Я позволю себе сказать два слова о городской и полугородской промысловой мелкой буржуазии, в частности о кустарях и ремесленниках. Кустари и ремесленники составляют в общей экономике страны далеко не маловажный слой. Подчинены они нашему влиянию еще в очень малой степени, а капиталистическому влиянию — в большей степени. Значит, мы имеем значительное количество этого слоя, слабую организованность этого слоя, сравнительно минимальное влияние со стороны нашей партии на эти слои и большее экономическое влияние со стороны частного капитала. Это нужно признать. Если мы возьмем слой мелкой и мельчайшей торговой буржуазии и то, что примыкает отчасти к этим слоям, так называемую мелкобуржуазную городскую бедноту, то мы имеем и процесс обеднения этих слоев и процесс вытеснения этих слоев. В частности как раз в области торговли произошли различные перегруппировки этих слоев. Часто на этой почве мы имеем соответствующее обострение различного рода контрреволюционных, шовинистических, например антисемитских, настроений. Это — почва, где произрастают часто семена фашизма на нашей почве. Это мы должны видеть и с этим должны повести решительную борьбу.

Каковы выводы? Мы должны поставить перед собою задачу более усиленного экономического

охвата этих слоев мелкой буржуазии, в первую очередь кустарей и ремесленников, через кустарно-промысловую, снабженческую кооперацию, синдицирование предприятий, через соответствующие связи с кооперацией вообще. Мы должны именно здесь повнимательней поставить перед собой задачу борьбы с частным капиталом, который через систему домашней индустрии, через раздачу сырья, через своеобразную систему заказов оперирует в этой области. Понятно, что до сих пор мы были заняты в первую очередь тем делом, чтобы высадить наших противников, высадить частных капиталистов из сферы крупной промышленности, из сферы оптовой торговли, из сферы розничной торговли в крупных городах. Мы неоднократно выступали с положениями и с тезисами о том, что мы не смотрим на мелкую промышленность, как на противника, которого надо вытеснить, а считаем, наоборот, возможным ее развитие. Но мы до последнего времени мало обращали внимания на социально-классовое овладевание этой сферой производства. Теперь мы выросли, наше влияние возросло, и мы должны в большей степени обратить внимание на экономический и политический охват этих слоев мелкой буржуазии. Во-первых, экономический охват, борьба с частным капиталом, и затем, во-вторых, политическая обработка этих слоев, причем здесь я считаю необходимым усилить и заострить борьбу против различных антисемитских тенденций, кото-

рые суть не что иное, как зародышевые формы русского фашизма. Из этого и на этой почве может вырасти русский фашизм. Конечно, он не вырастет, потому что мы ему в необходимый момент срежем голову, а пока нужно укрепить наше политическое влияние так, чтобы те или другие гнусные и контрреволюционные тенденции не вырастали отсюда вообще.

4. СЛУЖАЩИЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Затем нужно просмотреть мельком другие слои, именно наших служащих и нашу интеллигенцию. Тут, товарищи, нужно сказать, что партия наша должна сделать гораздо больше, чем сделала до сих пор. Прежде всего несколько слов относительно фактического положения здесь.

Прежде всего, если посмотреть на интеллигенцию, то здесь мы должны констатировать наличие как раз у квалифицированных и наиболее хорошо оплачиваемых слоев интеллигенции целой реакционной прослойки, которая если и ведет себя очень конспиративно и непосредственно не выступает против советской власти и пр., то, с другой стороны, представляет собой довольно сколоченный кулак, который на работу смотрит просто так, как на обязанность. Эти никогда не проявляют никакой творческой инициативы, никогда не стремятся активно помочь или преодолеть трудности, получают жалованье, а на работу смотрят только как на выполне-

ние своих формальных обязанностей. В целом ряде случаев эта верхушка такого рода специалистов квалифицированного порядка настроена реакционно. Я не говорю, что такие настроения свойственны всей квалифицированной интеллигенции, отнюдь нет, но я говорю о настроении определенного ее слоя, который тихой сапой ведет борьбу, например, с выдвиженцами, которых они стараются затереть и никакого хода им не давать и пр. В разговорах они открыто спекулируют на военной опасности, которая угрожает нашей стране.

Есть в среде квалифицированной интеллигенции сменовеховская прослойка. Ее политическую физиономию я не буду описывать. Своими прогнозами и анализом, анализом того, что есть, и того, что должно быть, по их мнению, она примерно сходится с нашей оппозицией, потому что тоже думает, что мы перерождаемся и будем перерождаться, расценивая это с положительным знаком. Они в общем и целом работают, иногда хорошо работают, но их политическая установка есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы отвести их с настоящего советского пути. Делают они это очень осторожно, очень умно, по внешности они очень лояльны по отношению к советской власти, а иногда делают вид, что даже больше чем лояльны. Но есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения.

Основная же масса интеллигенции из слоя служащих, это — то, что можно было бы назвать советским середняком, который действительно уже идет с советской властью. В особенности среди технической интеллигенции уже имеется целый, довольно значительный кадр, который действительно идет с советской властью и хочет итти с советской властью, потому что он, выросший на дрожжах новых событий, довольно хорошо представляет себе размах нашего строительства, знает перспективы нашего строительства с его громадным будущим, с его громадными возможностями, с большим строительным пафосом. Это есть ядро советской интеллигенции, отчасти советских служащих, которых мы должны, разумеется, всемерно поддерживать.

Наконец, товарищи, существует прослойка недовольных служащих и полуинтеллигентов и интеллигентов, которые являются хронически безработными, в особенности в связи с решительным нажимом и сокращением нашего государственного аппарата, с борьбой против бюрократизма и т. д. Это — серьезный вопрос, потому что мы режем наш госаппарат и должны его резать, потому что мы сокращаем его и должны сокращать, и мы не должны мошенничать и двурушничать, как делает оппозиция, которая, с одной стороны, говорит — сокращение аппарата, а с другой стороны, в другом параграфе пишет, что мы не можем, мы не должны выбросить ни одного служащего. Одно из двух: либо

ты должен резать этот аппарат, либо не должен резать аппарат. А быть именинником и на Петра, и на Онуфрия может быть и хорошо, но политически бесчестно. Мы стоим на той точке зрения, что мы должны будем и дальше, по всей вероятности, сокращать этот самый аппарат, что это есть одна из предпосылок нашей борьбы с бюрократизмом, так как он действительно у нас разбух. Но сейчас у нас такое положение вещей, когда мы эти излишние руки не можем рассовать в другие сферы приложения труда. Поэтому мы должны считаться с тем, что это несет безработицу служащим, части интеллигенции. И вот, товарищи, эти слои недовольны. Рассосать их недовольство мы не в состоянии сразу, это дело большого промежутка времени. Они связаны в свою очередь и с интеллигентскими кадрами, которые образуются частью из этих же слоев, частью из наших вузов и пр. Дрожание среди нашего служилого элемента и нашей интеллигенции, передающееся в первую очередь на вузовский «барометр», это — тоже настоящая социальная база для нашей оппозиции, наряду с мелкой буржуазией, с отсталыми прослойками рабочих. Если вы сделаете статистический подсчет, кто как голосует, кто кому аплодирует, — вы увидите, что здесь также находится социальная база нашей оппозиции.

Какие замечания по этому поводу можно сделать в смысле итоговых выводов? Во-первых, нам нужно вести борьбу с реакционными элементами система-

тически, планомерно; во-вторых, нам нужно усилить нашу работу среди интеллигенции, и я должен, товарищи, сказать, что очень часто мы не делаем здесь того, что мы могли бы делать, — это нужно признать. Мне лично неоднократно приходилось встречаться с рядом представителей таких интеллигентских прослоек, которые говорят: мы бы хотели, чтобы нами руководили, но я не могу считать полезным икса, игрека, зета, про которых я наверняка знаю, что они ничего не понимают в том деле, за которое берутся. Конечно, тут имеется известное пренебрежительное отношение к нашим товарищам, которые постепенно выдвигаются, но, с другой стороны, мы должны принять меры к улучшению руководства этими интеллигентскими группами, ставя здесь людей тактичных и хоть что-нибудь понимающих в соответствующей отрасли. Надеяться на то, чтобы здесь росчерком пера или фельдфебельским окриком можно было что-нибудь сделать, не приходится. Мы вышли из этой фазы. От нас требуют не только приказа, но и настоящего руководства, основанного на знании дела. И вот, товарищи, здесь, на этом фронте, и в области литературы, и в области искусства, и в области театра, науки, и в области научной техники и прочего, у нас дело обстоит очень плохо, а главное, чем дальше, тем больше мы запускаем эту болезнь. Потому что, если мы, напр., посмотрим, как подрастают новые кадры квалифицированные, научные, то мы по всем вузам имеем

одно и то же явление, что наши дорогие коммунисты и комсомольцы хуже работают над наукой, чем беспартийные. Этого больше терпеть нельзя: получаешь ты хлеб от пролетариата, который послал тебя в высшее учебное заведение, — изволь работать и заниматься делом, иначе гнать тебя надо из высшего учебного заведения.

Я думаю, что, конечно, здесь есть и ряд таких причин, как материальная нищета, перегрузка общественной работой на холостом ходу, и пр. Двадцать тысяч раз на партийных собраниях мы ставили этот вопрос и до сих пор не сдвинули его как следует. И поскольку мне известно, — вчера на Московском комитете обсуждался этот вопрос, — это — угрожающее явление, потому что это совсем не пустяки, какие кадры научных специалистов и пр. мы будем иметь через 2-3 года. Это не пустяки. Уж лучше разгрузить от очень большого количества общественных обязанностей, оставив необходимый минимум (для связи с партией, с рабочими) и спрашивать после этого по самой настоящей, свирепой строгости, чтобы они учились, а не «вола крутили». Работа среди интеллигенции, усиление работы по формированию наших собственных кадров стоит перед нами.

5. ИТОГИ.

Вот, в общем, те замечания, которые я хотел сделать касательно разных классов, группировок в нашей стране. Итоги здесь какие? Безусловное усиле-

ние рабочего класса, укрепление блока рабочего класса с основными массами крестьянства. Но при этом несомненное оживление активности различных противосоветских групп. И в верхушке квалифицированной интеллигенции, о которой я говорил, реакционеров, и среди полуинтеллигентской молодежи, и среди реакционных частей крестьянства мы имеем оживление. Мы имеем оживление меньшевиков, мы имеем оживление эсеров. В связи с оппозицией все группировки, направленные против нас, лезут в эту оппозиционную щель и откровенно об этом пишут. Если бы вы познакомились с тем, какие разговоры ведутся в среде интеллигенции, полувраждебной и враждебной к нам, то вы бы увидали, что по всей линии ведется спекуляция на двух фактах. Во-первых, на факте военной опасности, во-вторых, на оппозиции. И совершенно понятно, это вытекает из всей механики борьбы. Рост активности противопролетарских группировок налицо. Он происходит в различных формах: в форме создания своих организаций, в форме попытки создания своих платформ и программ, как я вам рассказывал, в форме организации различных группировок, в форме организации различных блоков и т. д. Все это, — вплоть до уличных разговоров, — указывает на активизацию сил, враждебных нашей диктатуре, враждебных диктатуре пролетариата. И само собой разумеется, что мы должны здесь во всех отношениях оказаться на высоте положения, и мы, без сомнения, о к а ж е м с я

на высоте положения. Угрожающего, конечно, здесь ничего нет. Но мы должны в области экономической больше, чем раньше, наступать на враждебные нам элементы. В отношении различных классов мы должны, одновременно с борьбой против непосредственных наших противников, обязательно усилить нашу положительную работу. Если бы мы с возросшей силой выполнили те социально-политические задачи, которые перед нами стоят, если бы мы сделали ряд добавочных усилий, это принесло бы только пользу, и эта польза пойдет по линии дальнейшего укрепления нашей диктатуры.

В заключение этого раздела своего доклада я бы хотел поставить один общий вопрос, который вытекает из того, что я говорил о разных классах, и который представляет и теоретический, и практический интерес. Мы не раз говорили, что общая эволюция, общий ход развития в нашей стране в переходный период между капитализмом и коммунизмом, это есть период отмирания классов и, следовательно, период отмирания государственной власти. Между тем, мы видим такой исторический зигзаг, такой период, когда классовая борьба в своеобразных формах идет довольно остро и на данном перекате имеет тенденцию к обострению. Как это увязать одно с другим? Как увязать общую генеральную линию развития на отмирание классов с обострением классовой борьбы? Я прежде всего хотел бы сказать, что

у нас элементы отмирания государства все же есть и есть элементы отмирания классов. Например, скажем, наш рабочий класс есть рабочий класс, пролетариат, а в то же самое время он начинает быть чем-то иным, потому что пролетариат — это есть наемные рабочие, но у нас в социалистических предприятиях нет наемных рабочих. Наш рабочий превращается в социалистического работника. Наш рабочий класс не замыкается как особый класс, он влияет на другие классы, на Красную армию. Наша Красная армия есть одно из орудий культурно-политической переделки крестьян. Крестьянин, прошедший коммунистическую армейскую школу, уже имеет известное зернышко пролетарской обработки, социалистической обработки. Мы имеем вовлечение самых широких масс в государственную работу, переделку этих масс и переделку этими массами государственного аппарата. Эти процессы деформируют наши основные классы, раскрестьянивают крестьян, распролетаривают пролетариат. Это не что иное, как элементы отмирания самой государственной власти. В то же время, несмотря на эти элементы отмирания государственной власти, мы имеем по целому ряду каналов обострение классовой борьбы. Почему? Я думаю, что здесь два главных факта стоят перед нами. Во-первых, это наша международная обстановка. Представьте себе конкретно: вот перед вами колеблющийся интеллигент, который не знает, выйдет ли у большевиков в конце концов, или нет,

но знает то, что сейчас грозит опасность войны. Это поддерживает его старые традиции, потому что еще до сих пор некоторые считают нас и наш строй «ненормальным» уродом в семье «нормальных» капиталистических государств. Капиталистические государства давят на эти слои, давят тем, что эти слои знают — будет война, и они могут сомкнуться с ними. Это питает известные старые надежды, это заостряет борьбу внутри страны.

Второе — это то, что мы сами, развивая наши экономические рычаги, наши командные высоты, наше хозяйство и промышленность и пр., двигаемся в этом процессе неравномерно. Вот я приводил вам пример: кустаря мы до сих пор в значительной степени оставляли в забросе; на кулака мы нажимали целым рядом наших рычагов, но вытеснять его с его деревенской базы мы только-только начинаем, и поэтому наш противник рассосан не просто по всему фронту, но имеет также свои опорные пункты. Вот эта неравномерность всасывания различных мелкобуржуазных трудящихся слоев в социалистическую экономику и неравномерность охвата различных сфер хозяйства, где старается укрепиться буржуазия, и выражается в том, что у нас в определенный период может быть резкое обострение с некоторыми общественными слоями в стране. В отношении к нашему внутреннему противнику наши задачи сформулированы в тезисах ЦК к партийному с'езду. Нужно, чтобы наша партия обращала вни-

мание на любую опасность и использовала любую возможность продвижения социалистического строительства вперед. Наш внутренний противник сам по себе нам уже не так опасен, но он становится опасен для нас, поскольку он смыкается с активизацией нашего внешнего противника.

V. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА.

Теперь, несмотря на то, что я уже говорил достаточно, я все-таки хотел бы коснуться другой темы, которая в моем плане носит название: «Экономика, политика и культура».

Товарищи! С абсолютно полным правом т. Ленин, незадолго до своей смерти, поставил в упор вопрос о культурной революции. Владимир Ильич поставил необыкновенно остро этот вопрос. Но, я должен сказать, никогда культурная революция не стучалась так в двери нашей партии, как стучится она сейчас. Здесь речь идет и о более культурной рабочей силе в промышленности и о культуре в нашем земледелии, здесь речь и о создании более культурных руководящих советских кадров, и о создании более культурных партийных кадров, и о ликвидации элементарной неграмотности.

Мы сейчас вступили в такой период, когда нужно поставить перед собою задачу более внимательного

отношения к культурным запросам и с точки зрения материальных ресурсов, средств на это дело. Я думаю, что мы упираемся в эту проблему сейчас уже и с чисто производственного конца. Правильно или неправильно, что сейчас налицо неликвидированная еще оторванность нашей научной деятельности от нашей производственной деятельности? Есть ряд исключений, отрадных исключений. Вот, например, трест слабого тока, который сейчас работает вместе с научным кабинетом одного из крупнейших и виднейших наших академиков, академика Иоффе. Спрашивается: что он от этого получает? Мне рассказывали, когда я был в Ленинграде, как много этот трест слабого тока выгадал от этого. Они свели до минимума брак в продукции стали благодаря связи с кабинетом академика Иоффе. По целому ряду областей идет теперь на деле такая работа. Но все-таки, товарищи, мы имеем варварское расточение наших сил и средств в любой нашей крупной отрасли, потому что часто мы, хозяйственники, практики, своим умом доходим до того, что давным-давно известно другим. Говорят, в деле организации различных научных лабораторий, институтов и кабинетов мы кое-где перещеголяли и заграницу. Пусть так. Но я все же считаю, что у нас еще мало научных учреждений, обслуживающих нашу промышленность, потому что у нас иногда и сама наука, из-за оторванности, движется на холостом ходу.

Но для того чтобы правильно подойти к этому делу, нужно затратить деньги, нужно обратиться к соответствующим людям, нужно ими руководить. У нас — величайшее кустарничество в этом отношении, почти отсутствует взвешивание и продумывание того, сколько на ту или иную культурную область мы должны тратить. В конце концов, в научной области, и прежде всего в области материального костяка научной работы, мы должны иметь такой же план, как в области нашего материального производства. Мы высчитываем в области производства, сколько нам нужно для капитальных вложений, сколько на переоборудование и т. д., но в очень малой степени мы учитываем, когда, куда и сколько нам нужно бросить денег на те или иные научные организации, учреждения и т. д. Здесь разделение средств у нас идет страшно грубо и непродуманно. Между тем, мы могли бы быстро окупить наши затраты, которые мы должны бросить на целый ряд таких вещей, соответствующим производственным эффектом. Например, мы могли бы в тысячу раз меньше устраивать банкетов и тратить на это средства. Я вполне понимаю жалобы некоторых товарищей и иностранцев насчет этих банкетов, и мы можем отчасти понять наших крупных ученых, которые говорят, что вот столько-то денег затратили на банкет Академии наук. Правильно, лучше бы было, если бы эти деньги затратили, например, на

физиологическую лабораторию академика Павлова. Это — чепуха, такая наша грубая, непродуманная политика. *(Аплодисменты.)* Мы должны в непроизводительных расходах сократиться, мы должны здесь поставить себя в узкие рамки, не должны показывать свое хлебосольство, так называемую «широкую русскую натуру», положив руки на стол: я-де хлебосольный хозяин. От нас никто не требует хлебосольства, лучше будет, если построить парочку новых лабораторий.

Задача культурного строительства — затрата средств, правильное их распределение и пр. — является той проблемой, в которую мы должны вцепиться жестко. Она связана с целым рядом других вещей. Например, рационализация нашего производства. Рационализация производства есть не только техническая рационализация, это есть рационализация и рабочей силы. Это — немаловажная вещь в общем балансе рационализации. Ведь мы другую, культурную, действительно культурную, рабочую силу должны воспитывать. Я не исключаю отсюда и нас самих, руководящую часть партии и пр. организаций. Мы сами должны заниматься своим воспитанием для того, чтобы выполнить задачи, которые усложняются, должны выработать другую, культурную, социалистическую установку.

Все это должно занимать нас гораздо больше, чем занимало до сих пор. В этой области нужно обратить внимание на целый ряд вещей, на которые

раньше, когда не имели базы для осуществления, в первый период, обращали очень большое внимание, а потом почти забыли. Нужно напирать, во-первых, на борьбу с пьянством среди рабочего класса. Что бы ни говорили о морали и обо всем прочем, но когда видишь большое ослабление качества производственного эффекта, ослабление рабочей силы, ее деморализацию и т. п., мы должны в разных формах и по-разному давать этому отпор. Это — наша производственная задача. Подхихикивания в этом деле — ни к чему. Мы должны поощрять все меры к созданию общественного мнения со стороны партии, профсоюзов и пр., и мы должны помаленечку, постепенно начать перематывать наши доходы, получаемые от водки, на кино и радио. *(Аплодисменты.)*

В то время как радио и кино во всех странах являются самой доходной статьей, на которой капиталисты наживают колоссальные деньги, мы как-то ухитряемся здесь делать все наоборот. (Больше того, со своими собственными фильмами мы ухитряемся делать наоборот. Скажем, «Броненосец Потемкин» в Берлин был продан за ерунду, а капиталисты нажили на этом большую сумму денег. Надо же ухитряться так поступать!) Ну, если бы у нас не было спроса! А то ведь огромный спрос мы имеем, но только все чудовищно дорого в отношении радиоустановок, бесстыдно дорого производим. *(Аплодисменты.)* Мы сейчас, что касается кино, имеем

огромный спрос. У любого дрянного кино стоит хвост больше, чем за мукой стояло, а мы, несмотря на то, что это — рентабельные вещи, где вовсе не требуется колоссальной техники, колоссальных затрат, ухитряемся сделать кинопроизводство самым захудалым производством. Это не мое личное мнение. В тезисах ЦК об этом прямо написано. В тезисах о директивах по пятилетке записано, что мы должны форсировать темп развития радиоустановок и кинопродукции. Мы постепенно должны создавать такую отрасль производства, развивая это потребление дальше и дальше, и помаленьку, постепенно перематывать на эту катушку доходы, которые идут от увеселительных и прочих вещей.

Мы, товарищи, должны обратить внимание и на рационализацию быта нашего рабочего класса. Думают, что это все мелочи и мелочи, а вот мне рассказывают интересные факты, в том числе из жизни рабочего Москвы. Вот, предположим, мы снизили на 4 рубля цены на пальто, но ввиду того, что мы «замечательно» «организовали» распределение, и у нас торгуют магазины тогда, когда рабочий на фабрике стоит, и не торгуют тогда, когда рабочий не стоит на фабрике, он должен потерять рабочий день, чтобы купить это пальто. 4 рубля вы ему дали, и 4 рубля он потерял. Это — факты, из которых складывается многое. Мы шумим о политике цен. Мне рассказывали, что женщины-работницы бывш. Прохоровской мануфактуры готовы перейти на

большее число сторонок, если им устроить механическую прачечную; они интенсифицируют свой труд, если им пособить с другого конца, и таких случаев бесконечное множество, а у нас, по старой традиции, «русский человек» заботится о большом и великом. О международной революции он может сказать в течение секунды 4 раза, а в то же время не увидит, что он может сделать сравнительно второстепенную вещь и получит большой экономический и культурно-политический эффект. Международную революцию мы очень хорошо помним, и тут мы все, что в наших силах, делаем для ее ускорения, это — хорошо, но вот прачечные, столовые, бани, жилища, уничтожение бестолковщины, безалаберщины, удивительной обломовщины, всяких дезорганизаторских и дезорганизующих явлений в области нашего распределения, торговли, быта и т. д. — в этом необходимо так пособить рабочему, чтобы он во-время мог все делать, чтобы он не испытывал лишних затруднений, ибо все эти так называемые мелочи в жизни рабочего имеют колоссальный удельный вес. Мы раньше, когда были партией, не стоявшей у власти, умели к рабочему обращаться не только на улице и не только через митинг, фабрично-заводское собрание, но мы ходили по столовым, по казармам, по общежитиям. Каждый из нас, подпольщиков, это знает, сам побывал в казармах, а если вы сейчас возьмете работу наших парторганизаций, то вы должны сказать, что в казарму редко кто заходит, в общежитие

редко кто загляжет. Это нужно прекратить. (*Аплодисменты.*)

Мы запустили в значительной мере работу среди молодежи. В среде молодежи сейчас огромные процессы происходят, и наши парторганизации еще не в состоянии уловить все эти процессы и дать им правильное разрешение. Общую линию давно наметили, и на последнем партс'езде, а целый ряд проблем сейчас стоит перед молодежью. Среди молодежи есть кое-какие выходы, на которые нужно обратить сугубое внимание. У рабочей части молодежи стоит проблема, которую они формулируют в виде вопроса: чем и кем мне стать? Раньше я обучался и становился квалифицированным мастером, квалифицированным рабочим, находил свое место в производственном укладе и в общей механике производственной. А теперь рационализацию очень часто молодежь воспринимает так, что перед ними перспективы закрыты. Я получил вчера и третьего дня ряд сводок на эту тему. На этот вопрос нужно дать ответ. Комбинация сокращенного рабочего дня для молодежи, с обучением государственному управлению и с обучением военному искусству и т. д., давно стоит у нас в программе, но не стоит реально в качестве нового воспитательного принципа. Этот вопрос нужно поставить и нужно решить. Молодежь, на-ряду с новыми рабочими, о которых я вам говорил, это у нас — самое слабое звено среди рабочего класса. Я говорю с точки зрения тех задач, которые

сейчас на наши плечи ложатся. Мы должны налечь на эту сторону дела, в особенности на комсомол, в особенности на вузы. Эту задачу нужно, в конце концов, поставить с такой остротой, чтобы не возвращаться вечно к ней. Если я не ошибаюсь, то чуть ли не на X—XII с'ездах ставился вопрос относительно обучения наших комсомольцев-кадровиков в вузах, и решен был, а «воз и ныне там». Так нельзя дальше итти.

Вопрос о работе среди женщин-работниц. Исчез с нашего поля зрения целый ряд «деталей», которые очень важны. У нас имеется проституция. Должен вам сказать, что борьбы с этой проституцией, которая была бы видна и которую наши женщины-работницы вели бы, сейчас не видно, она заглохла, она не на виду. Я, лично, ее не замечаю, не вижу ее по газетам. Может быть, она где-то и ведется, может быть, но, чтобы она велась как общественная кампания, — этого нет.

По целому ряду более мелких вещей такое же положение. Например, беспризорность. Лишь не очень давно удалось обшить и обмыть в Москве полторы тысячи беспризорных. Обшили, обмыли, собрали их и поселили в Звенигороде. Правда, они там разворочали все, как есть. Конечно, они вначале будут безобразничать, но все же совершился хоть какой-то сдвиг. Мы очень много говорили о беспризорных, а элементарного не могли сделать: положить в постель, выстричь, вымыть. Возможно, что мы сде-

лали ряд ошибок и неправильностей, но хоть какой-то поворот сделали, а то «растекались мыслью по древу».

Активизация жен рабочих. Из опросов рабочих выясняется, что до сих пор у нас в стране наши рабочие-передовики считают своих жен как политический балласт и груз, — настолько мало мы эту женскую армию сумели охватить своей работой, несмотря на всю работу наших женотделов. Тут точно так же нужно изо всех сил усилить нашу работу.

Должен сказать еще несколько слов о борьбе с бюрократизмом. О борьбе с бюрократизмом мы чрезвычайно много говорили. Мы за последнее время кое-что и сделали в этом отношении в смысле сокращения и упрощения аппарата. Но мы не должны утешать себя тем, что сократили аппарат на 20%, еще на 20%, еще на 10%. Если мы будем думать, что только этим можно уничтожить бюрократизм, — это будет абсолютной утопией. Это сокращение должно сопровождаться такой реорганизацией, которая бы на деле этот аппарат упрощала и которая бы сопровождалась перевоспитанием функционеров, живых людей, работающих в аппарате.

У нас очень часто в торговых заведениях по одежде встречают и по одежде провожают. Даже в органах Наркомзема то же самое говорят: неудобно такому-то отказать, а когда приходит какой-нибудь

замухрышка-крестьянин, тогда по-другому действуют. Если пройдешься по целому ряду наших наркоматов, наших хозяйственных и пр. органов, то — конечно, не везде и всюду, но очень часто — наталкиваешься на такую психологию. Нет у нас, у служащих нашего государственного аппарата, да очень часто и у наших товарищей нет такого воспитания, такта, которые бы заставляли его вежливо обращаться с тем, кто приходит к нему за справками и пр. А мы очень часто сами потакаем этому делу, недостаточно за это ругаем, недостаточно натравливаем массы на то, чтобы эти безобразия прекратить. Если вы возьмете прежнего приказчика, у него были свои добродетели: не воруй, считай, почитай, служи своему хозяину и пьянствуй только по воскресеньям или двунадесятым праздникам. *(Смех.)* Мы эту пуповину разворотили, а собственных добродетелей очень мало создали. У нас очень часто мало различают казенное и свое, потому что у нас-де коммунизм. *(Смех.)* Конечно, у нас есть слой работников, перегруженных до чорта. Всякий знает, что иногда хочется кусаться, когда лишний кто-нибудь приходит, — настолько ты устал от работы, перегрузки. Но мы должны сами себя обуздывать, — те, кто действительно перегружен. В особенности нам нужно вытравливать такую психологию у тех людей, которые не очень-то перегружены, но которые ссылаются на то, что заняты, перегружены.

Нужно учиться не все делать самому, а проверять работу других своих функционеров, нужно воспитывать служащих, нужно создать известные добродетели у каждого слоя этих служащих, вытекающие из их профессиональных занятий. Нужно жесткое давление со стороны масс против тех, кто заражен бюрократизмом, невнимательностью к представителям массы, трудящихся. Нужно карать за преступления против этих добродетелей. Бороться с бюрократизмом только механическим сокращением, это — чепуха, это — только первый приступ; борьба состоит в том, чтобы поставить наших функционеров в такие условия, чтобы они не могли и боялись вести себя неприлично, нетактично, невнимательно, грубо по отношению к тем, кто серо одет, кто приходит к ним с фабрики, из деревни. Нужно, чтобы они знали, что не они — пуп земли, а что они находятся на службе у пролетариата, и за преступление против этого — карать.

Вопрос о самодеятельности масс, о дальнейшем развитии наших добровольных обществ, кооперации, советов, о работе их секций и пр., прежде всего, о нашей прессе, которая должна усилить струю самокритики по отношению к нам самим. Это — проблемы более или менее известные. Я отмечу, что нам ни в коем случае не нужно думать так: оппозицию мы расколотили, она разбита и больше ничего. Если мы оппозицию разбили, я думаю, что мы ее совершенно

сокрушили и изничтожим до конца. Это не только не снимает с нас, а, наоборот, возлагает обязанность более жестокой самокритики по отношению к самим себе и по линии государственной, и по линии партийной, и пр. Я должен сказать, что мы, например, уже давно не практикуем такой вещи, как периодическая рассылка работников самого высокого полета на места, в том числе и в деревню. *(Аплодисменты.)* Мы должны заботиться об усилении культурно-политической работы среди деревенской бедноты, подкрепить всеми силами союз батраков, еще теснее, еще прочнее связаться с середняком, обратить настоящее внимание на деревенскую интеллигенцию и т. д., и т. п. В отношении к интеллигенции — мы должны усилить наше идеологическое влияние на нее, мы должны усилить кадр партийцев, работающих на этих фронтах. Я должен сказать, извините за такое «лирическое» отступление, что каждый раз, когда я выступал в Большом театре или еще где-нибудь и когда оркестр начинает играть туш, я начинаю чувствовать себя болонкой или лошадью с большим крупом, танцующей в цирке, или когда у нас играют марши,—ведь это чорт знает что такое! Есть такой марш «Красная армия», куда напихано все, что угодно: и «Из-за острова на стрежень», и из «Коробочки», и все это под названием: марш «Красная армия». Когда я был в Ростове, и там давали марш под названием «Коммунары», я

услышал похабную немецкую шансонетку, которую называли у нас маршем «Коммунар». У нас есть целый ряд таких случаев и в кино, и в музыке, и где хотите. Это — не пустяки, это есть идеологическое извращение.

Наконец, товарищи, позвольте два словечка сказать относительно партии. Нужно иметь в виду, что если к оппозиции тянется «третья сила», которая является врагом пролетарской диктатуры, то к нашей партии будут налипать разные подхалимские, карьеристские и пр. элементы. Нужно помнить, что в наших рядах есть много таких, с которыми мы должны бороться, иначе мы можем потерпеть ущерб. Наша страна велика и обильна, большевистской твердой рукой мы наладили в ней кой-какой порядок, расчистив и повыгнав много всякой дряни и гнилья, но как следует еще порядок не наладили. Варягов мы никаких абсолютно приглашать не намерены, сами без варягов управимся, а если которые к нам и захотят притти против нашей воли, мы здесь им руки отсечем. Но борьба с прилепившимися слоями в наших рядах должна быть больше, чем когда бы то ни было, она необходима в особенности теперь.

Во всякой борьбе внутрипартийной есть отрицательные черты, сверх обычных. Многие из наших товарищей, имея дело с оппозицией, воздерживались от необходимой самокритики, полагая, что оппозиция это сейчас же раздует, увеличит в

1 000 раз и будет бомбардировать партию. Оппозиция, конечно, этим и занимается, но нам нужна величайшая самокритика, не оппозиционная, антипартийная, а пролетарская самокритика, и только тогда мы выйдем действительными победителями на все 100 процентов, а не на 99, потому что тогда мы окажемся в состоянии еще в большей мере вовлекать массы в наши партийные ряды и действительно подавлять буржуазную и всякую иную нечисть и погань, которую сейчас оживила оппозиция. Забота о чистоте нашей партии должна быть одной из первейших наших забот, и после XV с'езда нам нужно будет еще более усилить эту работу. Я здесь целиком и полностью согласен с Н. А. Угдановым, когда он в своем вступительном слове подчеркнул эту задачу, задачу внутрипартийной демократии.

VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Я, товарищи, детально останавливаться не буду на международном положении. *(Смех.)* Я не иронически это говорю, хотя и знаю, что это может послужить поводом для того, чтобы наша оппозиция сказала: ну, вот, «национальная ограниченность», потому что мало говорил о международном положении.

По вопросу о военной опасности: мы считаем ее попрежнему актуальной. Возможно, что она не-

сколько отдалилась в силу нашей политики и нашего маневрирования, нашей мирной политики. Если это так, то свою роль здесь сыграл и Коммунистический Интернационал, мобилизация всего мирового рабочего класса вокруг лозунга защиты СССР от империалистов, борьба против с.-д. и иностранных отделений нашей оппозиции, которые вели антисоветскую линию. Некоторое отдаление возможно, и я не считаю это исключенным.

Но, товарищи, мы поставлены в такое положение, что мы должны быть на-чеку. Опасность остается, потому что крупные исторические факторы действуют, стабилизация есть факт. Остро стоит вопрос о рынках, особо остро стоит вопрос относительно угля, и т. д. Расшатка капиталистического организма происходит на колониальной периферии, и мы на ближайшем конгрессе Коминтерна особенно остро поставим колониальный вопрос.

Внутри европейских стран сейчас развитие революционного движения совершается на основе противоречий стабилизации капитализма. В первую очередь оно выражается в виде симпатии к Советскому Союзу. Поэтому перед Коминтерном стоят задачи: развитие международной революции, поддержка революционных движений, нахождение путей всевозможного организационного закрепления нашего влияния, которое вокруг Советского Союза мобилизует силы рабочих.

Линия нашего советского правительства гласит: никаких принципиальных уступок, но всяческое маневрирование, лишь бы оттянуть нападение капиталистических стран на нас, активная политика мира, мира и еще раз мира.

Этими основными задачами вполне определяется та политика, которую ЦК вел и намерен вести. Ничего похожего на уход Коминтерна из Китая, ничего похожего на отмену монополии внешней торговли, ничего похожего на расширение прав буржуазии, кулака — нет. ЦК предлагает всей партии и XV с'езду не только не расширять права кулака, но, как мы видим, отнять некоторые права, как, например, право голоса и в земельных обществах.

Примерно так же обстоит дело и с обвинениями оппозиции в вопросах международной революции, и с монополией внешней торговли, и пр. Ни один человек, находящийся в здравом уме и свежей памяти, не станет отрицать, что наша партия ведет интернациональную, международную пролетарскую политику.

Я недавно читал в одном буржуазном журнале статью, где говорится, что это (т. е. мы, СССР) есть огромный эксперимент, и теперь безусловно ясно, что в случае войны симпатии рабочих окажутся на стороне Советского Союза, и массы будут мобилизованы вокруг Советского государства, потому что оно

является защитником рабочих. Буржуазный глаз на этот раз увидел правду, хотя и неполно. Сейчас — не 1914 г., не 1917 г. мы переживаем, сейчас мы переживаем 1927 г. 10 лет стоят за нами. И пусть это запомнят гг. империалисты...

* * *

Несмотря на разные колебания внутри нашей партии в 1917/18, в 1921, в 1923, в 1925 и в 1927 гг., несмотря на все это, мы в нашей партии видим рост и укрепление, «слияние» с массами рабочего класса и трудящихся вообще. Оппозиция у нас заостряет все время свои нападки, и глубина расхождений все время увеличивается, а количество оппозиционеров тает с каждым годом. В 1923 г. за Троцким шла почти половина московской организации, а сейчас — половина одного вузовца. *(Смех, аплодисменты.)* В 1923 г. у нас были величайшие внутрипартийные колебания, а теперь герои нашей оппозиции стоят одиночкой и воображают, что воплощают не то волю партийного коллектива, не то волю рабочего класса. И характерная подробность: все их плакаты, лозунги, выступления выпирают на первый план личности. На демонстрации кричали: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!» Во время похорон Иоффе они кричали: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!» На собраниях то же: «Да здравствуют Троцкий и Зиновьев!»

Они личность выпирают, а мы сколачиваем железный пролетарский коллектив, и с этим костяком, под этим знаменем мы победим. *(Бурные продолжительные аплодисменты. Делегаты, стоя, аплодируют тов. Бухарину. Овация стихийно переходит в пение «Интернационала».)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. БУХАРИНА.

К ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ.

Товарищи, я вначале хотел бы сделать несколько замечаний о некоторых выступлениях по разделу моего доклада, называющемуся: «Экономика, политика и культура». Прежде всего несколько слов по поводу речи тов. Луначарского. Тов. Луначарский выступал так, как если бы я смотрел на нашу культурно-политическую работу сквозь исключительно черные очки. Мне кажется, что тов. Луначарский посмотрел сам сквозь слишком черные очки на то, что я говорил, он не совсем понял смысл моего выступления. Я выступил на поддержку работы, которую представляет у нас тов. Луначарский. Я говорил, что в настоящее время, если мы возьмем развитие нашей экономики, что мы с нашей культурной работой не поспеваем за теми потребностями, которые пред'являют и наша индустрия, и наше сельское хозяйство. Я доказал то обстоятельство, что самое развитие нашей крупной промышленности сейчас упирается в известной. и при этом в очень значительной. мере, в

недостаток научно-технического обслуживания нашей промышленности в непосредственном смысле этого слова и в смысле недостатка кадрового состава. Я указывал на то обстоятельство, что в настоящее время, в связи, в особенности, с оживлением целого ряда антипролетарских элементов в нашей стране, развязанных деятельностью оппозиции, здесь требуется особливая внимательность, ибо не все еще командные высоты заняты нами, нашим руководством, как это нужно было бы сделать.

Я указывал на то обстоятельство, что на целом ряде вопросов культурно-идеологического участка нашего общего социалистического фронта у нас нет достаточного кадра умелых руководителей, что здесь приказом нельзя брать, а лишь тактичным, умелым руководством и т. д.

Я абсолютно и не думал отрицать успехов культурно-социалистического строительства в нашей стране, успехов и по линии чисто элементарных культурных потребностей, вроде распространения грамотности, газет, книг, журналов, и по линии более сложных потребностей, о которых говорил тов. Луначарский. Но я указывал на некоторое несоответствие, которое существует у нас между нашими достижениями и культурными потребностями страны, наличным кадровым составом, размерами средств и ресурсов, которые мы тратим. Вывод, который я сделал, заключался в том, что необходимо сейчас требовать большей плановой увязки между

тратами на культурные и на остальные потребности и большей плановой увязки внутри потребностей самого культурного фронта. Другими словами, я, так сказать, «намекал», что тов. Луначарскому нужно давать больше денег из общегосударственной казны. А он говорит: «нет, дело обстоит не так плохо». *(Смех.)*

По существу дела я скажу, что абсолютно не думаю возражать тов. Луначарскому, когда он говорил о наших достижениях, но я остаюсь при своем мнении, что на этот фронт общесоциалистической культурной работы надо обратить большее внимание и в смысле материальных, и в смысле человеческих ресурсов.

Меня также не совсем правильно поняли некоторые другие товарищи. В частности, здесь выступала тов. Петрова, которая заступилась, так сказать, за «женскую честь». Я, разумеется, никогда не думал, что все жены рабочих являются балластом и грузом. Я был бы одним из последних, кто бы стал отрицать значительные достижения, великолепные достижения, которые мы сделали в области поднятия культурного уровня женских трудящихся масс. Последний с'езд работниц и крестьянок, нашего женского актива, был достаточно убедительной демонстрацией — не знаю, как оппозиция не догадалась до сих пор об'явить ее демонстрацией в пользу оппозиции. *(Смех.)* Достаточно убедительной демонстрацией этой огромной массовой

творческой работы, которая здесь была проделана. Это абсолютно правильно. Но, товарищи, я здесь хотел сказать своими замечаниями, довольно беглыми на этот счет, лишь то, что мы не сделали в этой области столько, сколько требуется с точки зрения потребностей, пред'являемых нам массовым движением рабочего класса и крестьянства. Можно было бы сделать гораздо больше.

Из моих замечаний вытекало, что нам, как партийной организации, следует обратить большее внимание на быт рабочих. Нашим партийным товарищам, нашим пропагандистам, агитаторам, организаторам и пр. нужно чаще ходить в дома рабочих, на квартиры, в казармы, в общежития. Из этого вовсе не следует, что я отрицаю громадный размах нашей массовой работы и пр., — отнюдь нет. Я указывал лишь слабые звенья в нашей массовой работе и говорил, что на них необходимо нажать.

У нас есть целый ряд добровольных обществ, которые по своим каналам, своими методами, своими способами вовлекают огромные пласты трудящихся в массовую, общестроительную, культурно-политическую работу. Однако, несмотря на весь размах, эта работа могла бы быть развита больше. Поэтому я предлагал обратить больше внимания на борьбу с пьянством, обращал внимание женотделов на более широкую работу по борьбе не только с алкоголизмом, но и с проституцией и т. д. Я старался указать коммунистам, рабочим, трудящимся слабые

пункты, некоторые слабые звенья, на которые мы должны обратить сугубое внимание, дать в эту сторону некоторый крен, чтобы эти слабые места выравнять. В этом заключался смысл соответствующего раздела моего доклада.

Теперь разрешите перейти к более острым вещам. В первую очередь, о нашем международном положении.

ПОЛИТИКА МИРА ИЛИ ТАКТИКА АВАНТЮР.

Я не останавливался на международном положении с достаточной полнотой. И, как я и предсказывал в своей речи заранее, уцепился за этот факт т. Раковский. Я не останавливался на анализе нашего международного положения со всей подробностью потому, что, как я и подчеркнул в своем докладе, я полагаю, что наша партия, в том числе московская организация нашей партии, разжевала эти вопросы. В связи с выступлением т. Раковского, и в целях разоблачения его игры с опасными вещами, я коротко отмечу здесь один факт.

Если можно сказать, что появилось что-либо новое за самое последнее время, то, я думаю, это новое заключается в обострении конфликта между Польшей и Литвой. Причем этот польско-литовский конфликт приобретает крупное значение и имеет международный характер. Все признаки, — вы их знаете из газет, — говорят за то, что Польша пред-

принимает сейчас наступление на Литву, что ведутся военные приготовления для того, чтобы провести польский план фактической оккупации Литвы. С точки зрения международных отношений осуществление этого плана означало бы расширение того военного плацдарма, который Польша будет направлять против Советского Союза. И как бы ни уверяли в настоящее время польские дипломаты, польские дипломатические круги устами того или другого своего представителя, что здесь речь не идет о Советском Союзе, мы должны совершенно отчетливо понять, что эти шаги польского правительства направлены к тому, чтобы проглотить самостоятельное литовское государство и начать более крупного масштаба подготовку дальнейшего наступления на Советский Союз. Значение предполагающегося захвата Литвы не может не быть расценено всеми нами как шаг, направленный против Советского Союза. Следовательно, вопрос о военной опасности мы не снимаем, вопрос о военной опасности продолжает оставаться самым острым вопросом нашего международного положения, внимание международного рабочего класса мы должны концентрировать на военной опасности, а, отнюдь, не снимать этого вопроса, не ослаблять нашей агитации здесь.

В этой обстановке заявления т. Раковского относительно того, что мы были слишком уступчивы по отношению к Франции, крайне поучительны не только с точки зрения определения правильности,

или неправильности той или другой политики, но и с точки разоблачения самого нутра, общей установки оппозиции. Я позволю себе поэтому на словах т. Раковского остановиться несколько более подробно.

Прежде всего, я должен сказать, почему мы отозвали Раковского. Мы отозвали Раковского, чтобы выпятить всем миром основной вопрос, не позволив французским реакционерам порвать на вопросе о личности нашего посла. Этот основной вопрос есть вопрос о том: разрывает с нами французское правительство или не разрывает. Наша партия ведет линию на мирную политику, на политику мира, и мы знаем, что рабочему классу Западной Европы известно, что мы ведем мирную политику, не поддаваясь на провокации империалистов, проводим тактику возможной оттяжки военного нападения на нас. Я думаю, что нет ни одного сумасбродного человека, сомневающегося в абсолютной необходимости политики мира, за исключением оппозиционеров, которые представляют собой людей совершенно особой категории.

Вы знаете, что в результате нашей политики мира и соответствующего маневрирования, суть которого вам известна, давление пролетариата и части мелкой буржуазии, заинтересованной в мирных отношениях с нами, французское правительство сейчас не могло решиться на разрыв, к чему его

усиленно толкали английские консерваторы и английские нефтяники, желающие получить монополию снабжения широких французских потребителей по грабительским ценам и желающие вытеснить советскую нефть, которая давит на цены вниз и этим сберегает широким французским потребителям огромные суммы.

Вот наша линия и наше маневрирование. А ориентация Раковского какая? Такая, чтобы подвинуть свои войска к границе, конечно, не к французской, к французской границе мы не можем, а к польской. Вот продвижение Раковского. А дальше что? Ведь, если придвинуть войска, то в случае, если бы французы не уступили, нужно было войска двигать дальше. А это бы означало конфликт международного значения и масштаба, что сейчас и нужно английскому империализму. И по какому поводу? По поводу личности Раковского. Как мы ни уважаем Раковского, а до самого последнего времени он был одним из лояльных членов оппозиции, — но так маневрировать мы ни в коем случае не могли. Это было бы преступное маневрирование, легкомысленное маневрирование, игра с огнем, с войной. Наоборот, нам нужно было действовать таким образом, что мы вопросы о личности снимаем, выставляем на шахматной доске крупные политические вопросы и ведем перед массами всего мира политику в открытую. Не на личности посла, а на этих крупнейших политических вопросах. Теперь

весь мир знает, что руководящие круги французского правительства стояли за разрыв, и дирижерская палочка была поднята именно по этой линии, а мы эту преступную политику разоблачили перед всеми и до разрыва не допустили. Тут нужно было выбирать: следовать ли тактике т. Раковского (бряцание оружием), или правильнее было выставить такие предложения, которые заинтересовывали и втягивали в эту борьбу широкие массы, перед которыми разоблачен курс французского правительства на разрыв? Мы решили, что бой нужно давать не на личности посла, а на вопросе о соглашении. Это единственно правильная политика.

Раковский бросил здесь опасное слово: война. Он войной хотел бы отвечать, но потом он быстро военный «хвост» запрятал в свои брюки и сказал:— Нет не совсем так, достаточно было пригрозить и т. д. Пригрозить войной! Ну, если так, то говорить тут больше нечего. Я скажу лишь о том, откуда у них сие получается.

Какая у них установка? Такая, что мы здесь все прогнили («термидорианцы»), может быть остался маленький шанс. Наша государственная власть есть термидорианская власть, т. е., по существу, контрреволюционная власть. Нужно сделать какое-то судорожное усилие для того, чтобы выпрытнуть из этого термидорианского болота. Поэтому теперь в области внешней политики Раковский проговаривается: «война». Авось, на

этой кривой выедем, станем снова революционерами, увлечем за собой остальных, поведем за собой массу, незаметно в ходе этого переворота Ворошилова сменим Троцким, изменяя все соотношения сил в стране. Что это такое? Это — клемансистский тезис Троцкого.

А в области внутренней политики, как говорила Надежда Константиновна, выступая здесь, их рецепт — возврат к военному коммунизму. Это тоже — судорожное движение. Там они делают прыжок в сторону войны, тут, внутри страны, закручивают на рельсы военного коммунизма. Дескать, авось удастся разогнать «политические сумерки», выдуманные Троцким, «спасти» страну от «термидорианского перерождения». Авось, в связи с войной придет победоносный пролетариат Западной Европы, который окажет, по троцкистской теории, свою государственную помощь, и таким образом мы выйдем из затруднения. (*Раковский.* — Реплика не уловлена.) Товарищ Раковский, я знаю, что вы раньше были также и против Зиновьева с Каменевым, а теперь — вы за Зиновьева с Каменевым, я знаю, что вы раньше были за многое другое, а теперь против. (*Раковский:* Совсем недавно.) Ну, вот видите: и совсем недавно.

Все слышали, ни у кого уши не отсохли с тех пор, как вы реагировали на заявление одного из товарищей. Это совсем не случайно у Раковского вырвалось такое крылатое словечко («война»). Оно

отражает самую их сердцевину. Это вот и есть основная их установка во внешней политике. Она диктует им и определенную внутреннюю политику. И как внутренняя установка на 100 процентов неправильна, точно так же неправильна и их внешняя установка. Нашей политикой останется и должна оставаться политика мира. Наша политика должна сопровождаться возможностью для нас определенных маневров, но не на основе тех лживых утверждений, которые т. Раковский вместе со своими друзьями подписывал. Ваши судорожные зигзаги в сторону отчаянных, волевых импульсов и волевых жестов, — все это вытекает из установки, что у нас все переродилось. Только с такой точки зрения можно понять их политическую игру, всю их тактику и стратегию.

Перехожу к речи т. Каменева.

О ВЫСОКОЙ «ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ» ОППОЗИЦИИ.

Приходит после ожесточенной борьбы против партии, после борьбы, принявшей совершенно неслыханные формы, выпирающие оппозицию за рамки нашей партийной организации, ставящей ее даже на антисоветские рельсы,— приходит после этого один из ответственнейших лидеров об'единенного оппозиционного ЦК, приходит для того, чтобы демонстрировать здесь свою политическую линию, свое политическое кредо — и что же? Слышали ли мы от

него хоть одно слово насчет того, существует или не существует у нас диктатура пролетариата, налицо или не налицо «термидор» и пр.? Он обошел все эти вопросы. Основной вопрос революции есть вопрос о государстве и на него извольте дать свой ответ! Если я говорю, что в нашей стране — термидор, я тем самым отрицаю пролетарскую диктатуру. Если я утверждаю пролетарскую диктатуру, я тем самым отрицаю термидор. Если я стою за защиту отечества, как социалистического, я буду последним шарлатаном, если бы говорил одновременно о термидоре в этой стране. Я не могу защищать перед лицом международного пролетариата это отечество, как социалистическое отечество пролетариата, утверждая в то же самое время, что его государственная власть есть власть термидорианская, или, как «любезный друг» Ма-Де-Ро — Троцкий, — заявляет, что за руководящей группой стоит внутренняя и международная буржуазия. Это — платформа Корша, это есть тезис, который контрреволюционен от «а» до «зет», контрреволюционен. *(Аплодисменты.)*

Вот как стоит вопрос. И когда приходит ответственнейший руководитель группы, которая на своем знамени пишет вот эти тезисы, а здесь не говорит по этому вопросу ни одного слова, то это — или политическая трусость, или политическое шарлатанство. *(Аплодисменты; голос с места:* И то, и другое.) Вот как нужно поставить вопрос.

Вот эта двурушническая игра с коренными вопросами нашей революции есть самое возмутительное, что только может быть. Я предпочитаю открытого врага и открытого противника, который говорит напрямик: «Термидор, вы переродились, вас нужно гнать, я вас буду свергать, вы меня можете законопатить в десять тюрем, — я все равно буду бороться против вас, чтобы вас свергнуть». Я понимаю такую позицию. А когда приходят люди и осмеливаются своим растленным языком говорить про людей, ведущих линию Ленина, что они переродились, а сами запутались в двух соснах — диктатура или термидор, и, смотря по аудитории, из одного кармана и из другого вынимают то диктатуру, то термидор,—то мы говорим: это — стыд, срам, позор. *(Аплодисменты.)*

Тов. Каменев доказывал, что их блок глубоко принципиальный, что еще на XIV с'езде они наметили политическую линию, и что они — последовательные революционеры.

Я читаю вам выдержку из письма, которое было прислано в Центральный комитет, из письма т. Антонова-Овсеенко Троцкому. В этом письме, между прочим, сказано (он пишет Троцкому):

«Я знаю, что вы собираетесь выступить на с'езде против тт. Зиновьева и Каменева...» «Я глубоко сожалел и сожалею, что нетерпеливые и близорукие друзья фракционеры вас побудили (после немалого с вашей стороны сопротивления) отказаться от этого (уже решенного было) выступления. Вы знаете, что я был против вашего блока

с Зиновьевым и Каменевым, как совершенно беспринципного».

Значит, выходит, глава их блока, Троцкий, на XIV с'езде, с которого они ведут свою принципиальность, еще нюхал воздух, выступить за ЦК или не выступить. Это называется «принципиальностью».

Насчет «врастания кулака в социализм». Поскольку это «врастание» связывают с моим именем, я должен заметить, что это «врастание» кулака «без классовой борьбы»,—от начала до конца выдумано Каменевым. Его Каменев присочинил и придумал. А не угодно ли послушать, что писал ваш принципиальный Троцкий в одной брошюре, передающей доклад на общегородской конференции гор. Запорожья 1 сентября 1926 г. Это — интереснейшая вещь, которая показывает корни установки в аграрном вопросе, установку в вопросе борьбы с кулаком, установку вопроса о развитии нашей деревни, о социалистическом или несоциалистическом пути, и многое другое. Мы тогда не заметили этой брошюры Троцкого. Вот что писал Троцкий в этой брошюре о XIV партийной конференции:

«Последние мероприятия партии в области крестьянской политики означают расширение рамок для товаро-капиталистических отношений в деревне. Это — несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом».

То же самое, что говорил Богушевский.

«Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник-фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть его кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа».

То же самое говорил Богушевский. Никакой разницы нет. Богушевский говорил, что кулак, этот жупел, отошел уже в старину, но что он теперь растет в другой форме. А блок Троцкого стащил этот «жупел» Богушевского и спрятал. Почему об этом Каменев не говорит? Но я на этом останавливаться не буду. Если бы я был таким же, как оппозиционеры, я бы остановился на этой цитате и повторял бы ее все время, как попугай. Но мне важно понять сердцевину троцкистского блока.

Теперь я зачитаю вам другие цитаты, которые будут подбираться к этой сердцевине и много дадут для понимания оппозиции. Вот что писал т. Троцкий:

«Пока мы не можем, — продолжает Троцкий, — дать деревне высокой техники, у нас есть д в е в о з м о ж н о с т и: л и б о п р и м е н и т ь в д е р е в н е м е т о д ы в о е н н о г о к о м м у н и з м а и з а д е р ж а т ь т а м р а з в и т и е п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л, ч т о п р и в е л о б ы к с у ж е н и ю р ы н к а и, тем самым, к задержке производительных сил в промышленности; л и б о д о т е х п о р, п о к а м ы н е м о ж е м с р е д с т в а м и н а ш е й п р о м ы ш л е н н о с т и к о л л е к т и в и з и р о в а т ь с е л ь с к о е х о з я й с т в о, м ы д о л ж н ы д о-

пустить там развитие производительных сил хотя бы и при помощи капиталистических методов. В этом сущность нынешнего периода нашей политики».

А позвольте вас теперь спросить: разве это — «левая» сердцевина? Разве партия остановилась на одной из этих двух возможностей, т. е., либо безграничное развитие капитализма, этого фермера, кулака и пр., либо методы военного коммунизма? Ничего подобного. Мы свою политику и на XIV с'езде не так понимали, и никогда такой она не была. Мы никогда не ставили вопрос так: либо возвращайся к военному коммунизму, либо безграничное чисто капиталистическое развитие в деревне. А Троцкий ставил так. А теперь от чисто-безудержного развития капиталистических отношений в деревне люди шарахнулись в обратную крайность, о которой писал Троцкий, не видя того осторожного, среднего пути, который есть единственный ленинский путь. Они теперь шарахнулись в другой конец своей альтернативы, что раз'яснила Надежда Константиновна в своей речи здесь.

Но разрешите для полного удовольствия и ублаготворения Каменева прочесть третью цитату из его учителя, покровителя, вождя и идеолога—Троцкого. В той же самой брошюре Троцкий писал следующее:

«Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую

мы можем ввозить машины для наших заводов. Это плюс, что содействует приближению к социализму».

Без всякой оговорки. *(Смех.)* И после этого «добродетельный» Каменев приходит сюда, цитирует Богушевского и говорит, у нас — линия, у нас — принципиальность. На самом же деле сперва Зиновьев шарахнулся по политической линии вправо, когда он, напуганный грузинским восстанием, предлагал всячески уступать, беспартийные фракции организовать, дать газету и пр., или когда он заявил, что нужно не только уклониться в сторону крестьянства, но и преклониться и поклониться его хозяйственным потребностям, а там, глядишь, и Троцкий по линии кулака сдал. После этого эти люди приходят к нам и говорят: как мы замечательно последовательны, как мы далеки от зигзагов. *(Смех, аплодисменты.)*

Заметьте, как т. Каменев и в этом вопросе здесь перед собранием «маневрировал», как ловко он уклонялся от обсуждения крестьянского вопроса, и вопрос о середняке он в два счета подменил вопросом о Перселе; начал с кулака, а потом вдруг кулак и все прочее исчезло и сразу Чан Кайши да Персели выстроились в один ряд. Но т. Каменев плохо знает свою собственную литературу, плохо знает, что говорили его дорогие друзья на том же самом XIV партийном с'езде, ибо как раз о Перселе на XIV с'езде Зиновьев говорил не что иное,

как то, что вопрос о соглашении с Перселем есть вопрос жизни и смерти нашего движения. Как раз на этом с'езде Зиновьев говорил, что при помощи соглашения с Перселем мы «преодолеем весь реформизм в Западной Европе». И после того, как они и в этом вопросе наблудили, так же как Троцкий в вопросе о кулаке, после этого они приходят и говорят: вы стояли за блок с Перселем! Да, мы стояли за известное соглашение с теми, кому еще доверяли английские рабочие и кого перед английскими рабочими нужно было разоблачить. Но за что стояли вы, дорогие друзья? Вы стояли за такой блок, с помощью которого вы думали преодолеть весь западно-европейский реформизм. Это есть, правда, и проверка вашей линии. Только смех может вызвать выступление Каменева, когда он приходит с совершенно «ясным челом», позабыв, опустив, скрыв, умолчав о том, что они раньше говорили и рассусоливает сказочки насчет последовательности линии оппозиции. Скоро можно ожидать, что Зиновьев, Каменев, Сафаров, Канатчиков об'явят несуществующими все свои брошюры против Троцкого. Я жду с каждой минутой, что случится это историческое чудо, что вся их борьба против троцкизма будет об'явлена несуществующей. Что же является реальной проверкой линии оппозиции и линии партии? А реальная проверка, — это проверка жизни, об этом я говорил. Реальная проверка нашей политики, намеченной на XIV парт-

с'езде, показала нам, что благодаря нашей политике середняк успокоился, и блок между рабочим классом и крестьянством укрепился. Об этом я достаточно говорил и здесь только напомню. В этом настоящая проверка политической линии. А если мы теперь подведем итоги, то можно сказать: у оппозиции не было линии, а теперь ее линия стала превращаться в линию авантюр во внешней политике, в линию возврата к «военному коммунизму» во внутренней политике. А наша линия, несмотря на отдельные ошибки частного характера, выдержала испытание с точки зрения проверки самой суровой и самой жесткой действительности.

Тов. Каменев дальше спрашивает нас, вы осчастливили манифестом «страждущее человечество», а на каких основах построен этот манифест? Почему вы этот манифест построили не на основе идей XIV с'езда, от которых остались одни клочья (по выражению т. Каменева), а на идеях, которые вы «стибрили» у оппозиции. *(Смех.)* Основная идея манифеста, на которой он построен от начала до конца, это — идея строительства социализма в нашей стране. Вот основная идея манифеста. Это чья идея? Ваша? Это идея Ленина, против которой вы боретесь.

Какая у них главная контр-идея, окрашивающая любое их выступление? Их идея — есть идея «свертывания международного рабочего движения», идея «политических сумерек» и «термидора» у нас. И ни-

чего нет мудреного, что мы строили манифест, который был предложен вниманию всех трудящихся, который был, с другой стороны, законодательным актом наших высших государственных органов, мы строили его на идее утверждения пролетарской диктатуры, а не на гнилых идеях «термидора», «политических сумерек», «клемансизма» и прочих «изобретениях» троцкистской оппозиции.

Нам говорят они: вы раньше утверждали, что нет средств для повышения заработной платы, а теперь вы выходите и говорите, что 7-часовой рабочий день возможен. Этот аргумент настолько «блестящ», настолько удивителен, что он превосходит все другие аргументы. Во-первых, когда это мы говорили, что у нас нет средств для повышения заработной платы?

Мы так никогда вопроса не ставили. Мы говорили, что у нас нет средств для такого повышения заработной платы, какое демагогически выставлялось богатыми «миллиардерами» Зиновьевым и другими. Но мы всегда подчеркивали, что наш курс есть курс на поднятие заработной платы, и заработная плата фактически росла.

А 7-часовой рабочий день? 7-часовой рабочий день принимается на новой основе, на основе сделанных достижений. Кто вам сказал, что для проведения 7-часового рабочего дня, для его реализации потребуются большие добавочные средства? А вот, представьте себе, что мы 7-часовой рабочий

день вводим не как подарок рабочим, а как один из важнейших инструментов рационализации нашего производства. Ведь об этом я и говорил в своем докладе, которого Раковский и Каменев изволили не слышать, потому что они пишут свои платформы, не зная, что говорим мы. Разве наша ориентация заключается в том, чтобы нанести себе убытки при помощи 7-часового рабочего дня? Наоборот, мы считаем, что сокращенный рабочий день даст нам возможность переорганизовать нашу производственную базу, что́ будет сопровождаться ростом числа рабочих, работающих в индустриальном производстве, что̀ будет сопровождаться большей эффективностью труда, что̀ даст нам в конечном счете бо̀льшую, а не меньшую продукцию. Вольно оппозиции представлять 7-часовой рабочий день как «подачку». Такой взгляд означает либо политическую передержку, либо абсолютное непонимание того, почему, для чего и как партия собирается проводить 7-часовой рабочий день.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТАКТИКИ ОППОЗИЦИИ.

Подходя к концу, я остановлюсь еще на одном аргументе и на одном положении т. Каменева. Вы видели, товарищи, насколько правильно утверждение, что мы шли за оппозицией. Вы видите, насколько правильно утверждение оппозиции, что она не колебалась и занимала последовательную поли-

тику? Нет ничего смехотворнее этого утверждения оппозиции. Но если действительно было бы так, что мы «украли» платформу оппозиции, тогда, спрашивается, почему же как раз в тот момент, когда, по мнению оппозиции, большинство перешло на сторону оппозиции, зачем тогда устраивать уличные демонстрации против партии? Представьте себе, что я веду с Надеждой Константиновной спор. После некоторого боя, она перешла на мою политическую позицию. Так почему, в таком случае, я должен начать еще более усиленную борьбу против Надежды Константиновны. Наоборот, я думаю, тогда можно сказать: наконец-то гора с плеч свалилась, наконец, мы с вами, Надежда Константиновна, можем плечо к плечу маршировать вместе. Спрашивается, почему же у оппозиции происходит наоборот? Да потому это так происходит, что настоящая их платформа есть платформа отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране. (*Аплодисменты, голоса:* Правильно!)

Вот почему, какую бы политику партия сейчас ни вела, из их основного тезиса,—что у нас есть термидор и нет пролетарской диктатуры,—вытекает и бешеная атака против партии, вытекают их партийные преступления, организация второй партии и вытекает в то же самое время то гомерическое неизмеримое политическое хвастовство, которое их отличает. Это ведь просто курам на смех, когда Каменев выходит сюда и продолжает воображать, что за

ним стоят миллионы! Это — дико, потому что люди настолько ослепли, что они не видят — ни огромного воодушевления на демонстрации, не видят и громадного возмущения оппозицией. Никогда не было столько партийных лозунгов, как во время октябрьской демонстрации. Все это видели, слышали и пр. А оппозиторы говорят: демонстрация была вся за нас, и только «пара свистунов» была против нас! Или, когда Каменев выходит сюда и говорит: наша нелегальщина — это была «попытка прорваться к рабочему ядру» нашей партии, в то время как это рабочее ядро нашлепало им по затылку, когда они имеют маленькую опору лишь в полуинтеллигентских слоях, так ведь подобное «об'яснение» преступлений против партии — просто смеху подобно.

Мы знаем, что есть у них и «герои», которые играют с очень опасными идеями... Здесь выступал т. Зоф и рассказывал, что они пробовали вести работу в армии и во флоте. Я должен спросить вас всех: когда т. Каменев выступает и говорит: если не сделаете того-то и того-то, то будет катастрофа, — что это значит? Позвольте вас спросить, что значит эта угроза? Мы можем им в ответ сказать, что, если оппозиция попробует вызвать «катастрофу», партия мокрого места от них не оставит. *(Конференция стоя бурными аплодисментами, постепенно переходящими в бурную овацию, покрывает последние слова т. Бухарина.)*

РЕЗОЛЮЦИЯ
ПО ДОКЛАДУ т. БУХАРИНА

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ т. БУХАРИНА.

Принята единогласно на заседании 23 ноября.

XVI московская губпартконференция, заслушав и обсудив доклад т. Бухарина о работе ЦК ВКП(б), одобряет как политическую, так и организационную деятельность ЦК.

Конференция считает, что ЦК проводил последовательно-революционную интернационалистскую линию в руководстве делегацией ВКП в Коминтерне, правильно направлял работу коммунистов СССР в Профинтерне и давал правильные директивы по линии международной работы ВЦСПС.

Именно благодаря правильной, ленинской линии в международных вопросах, с одной стороны, благодаря правильной политике социалистического строительства — с другой, возросли широчайшие симпатии к СССР среди пролетарских масс всего мира и среди угнетенных народов колоний и полуколоний.

Несмотря и вопреки стараниям вождей II Интернационала, желтых профсоюзов и ренегатов коммунизма подорвать доверие международного рабочего

класса к делу строительства социализма в СССР, в самых широких слоях рабочих и трудящихся всего мира росли и крепли симпатии к СССР, росло и крепло сознание того, что СССР есть единственное, социалистическое отечество пролетариата. В связи с этим укрепилась воля международного пролетариата к решительному отпору империалистическим правительствам, готовящимся сорвать дело мирного социалистического строительства в СССР.

Лучшим выражением неразрывной связи между делом строительства социализма в СССР и борьбой международного рабочего класса является тот исключительный под'ем, который вызвали среди рабочих и трудящихся нашей страны героическая стачка горняков в Англии и китайская революция и та помощь, которая была им оказана пролетариатом нашей страны. Конференция целиком одобряет политическую линию ЦК в связи с забастовкой в Англии и китайской революцией.

Конференция констатирует, что впервые со времени основания Коминтерна была сделана попытка создания международной фракции для борьбы против политики Коминтерна и для разложения его рядов. Эта попытка, возглавлявшаяся троцкистской оппозицией, потерпела полное крушение, об'единив вокруг антиленинских, меньшевистских взглядов троцкистской оппозиции лишь жалкие группки ренегатов коммунизма вроде Рут Фишер и Маслова и явных оппортунистов вроде Суварина, Фрея и др.

Конференция с удовлетворением отмечает, что троцкистская оппозиция не получила ни в одной из братских компартий какой-либо поддержки и что коммунисты других стран в подавляющей массе решительно поддерживают ВКП и ИККИ в их борьбе против троцкистской оппозиции. Став на точку зрения условного оборончества СССР, перейдя на меньшевистские позиции отрицания существования пролетарской диктатуры в нашей стране, троцкистская оппозиция разоблачила себя не только в рядах Коминтерна, но и среди широких масс рабочих всего мира.

Укрепляя влияние СССР и Коминтерна в рабочем классе и среди трудящихся всего мира, ЦК правильно осуществлял свое руководство мирной политикой СССР. Разоблачая перед всеми трудящимися политику империалистов, готовящих, во главе с английскими консерваторами, войну против СССР, проводя политику оттяжки войны, ЦК во-время поставил вопрос о военной опасности, сосредоточивая внимание пролетариата и трудящихся масс на необходимости усиления обороноспособности страны пролетарской диктатуры. Конференция считает, что ложные доносы оппозиции на СССР мировой буржуазии о готовности якобы нашей партии и советской власти отказаться от монополии внешней торговли и от поддержки растущих национально-освободительных движений являются только прикрытием растерянности оппозиции перед международ-

ными трудностями и наиболее ярким выражением ее ренегатства.

Конференция считает, что под руководством ЦК наша партия и рабочий класс добились больших результатов в выполнении директив XIV с'езда об индустриализации страны. Несмотря на громадные трудности, связанные со все более обостряющимся отношением к нам со стороны империалистических государств, несмотря на отсутствие иностранных кредитов, с одной стороны, и несмотря на наличие больших внутренних трудностей — с другой, мы сумели сделать крупные вложения в капитальное строительство, повышая их из года в год. Благодаря правильному руководству достигнуты большие результаты и в смысле усиления плановости социалистического хозяйства, выражающейся в возможности построения пятилетнего хозяйственного плана. Под'ем народного хозяйства в целом и промышленности в первую очередь был связан с непрерывным улучшением материального положения рабочего класса и трудящихся масс вообще.

Конференция целиком и полностью одобряет линию дальнейшего хозяйственного строительства, намеченную в директивах по составлению пятилетнего хозяйственного плана, представленных ЦК XV партийному с'езду. Конференция целиком одобряет решение ЦК о постепенном переходе на 7-часовой рабочий день, считая, что эта мера даст громадный толчок рационализации производства, улучшению

качества и производительности рабочей силы, большему втягиванию рабочих масс в социалистическое строительство, улучшению быта и повышению культурного уровня рабочего класса. Конференция считает необходимой мобилизацию всех сил, всего внимания партии, рабочего класса и широких трудящихся масс на осуществление намеченного плана дальнейшего строительства социализма и преодоление тех многообразных трудностей, которые предстоят пролетариату в этой работе. Социалистическое строительство в нашей стране осуществляется при все более активном участии рабочего класса и середняцко-бедняцких слоев крестьянства. Правильная политика ЦК в области широкого развития пролетарской демократии непрерывно расширяет круг втягиваемых в активное участие во всех областях строительства масс трудящихся, обеспечивает создание новых кадров строителей и выдвижение их на ответственные посты управления государством.

Конференция считает, что одним из основных итогов политики партии и ее ЦК со времени XIV партс'езда является укрепление пролетарской диктатуры в нашей стране как в смысле роста и усиления организованности пролетариата, так и в смысле укрепления союза пролетариата, опирающегося на деревенскую бедноту с середняцкой массой крестьянства. Благодаря правильной политике ЦК, партия на основе проведения решений XIV партс'езда достигла крупных успехов в деле укрепления своего

политического влияния в деревне, в политике изоляции кулака, в деле вовлечения широких бедняцких и середняцких слоев крестьянства в советское строительство, в кооперировании крестьянства и т. д. Усиление хозяйственных позиций пролетариата, организация бедноты и усиление союза с середняком создают сейчас возможность более систематического и планомерного наступления на капиталистические элементы вообще и на кулака в особенности.

Конференция целиком и полностью присоединяется к тезисам ЦК по работе в деревне и одобряет мероприятия, намеченные ЦК для углубления социалистического строительства в деревне и увеличения планового воздействия пролетарского города на развитие крестьянского хозяйства.

Конференция отмечает особо необходимость более энергичного экономического и политического воздействия пролетариата на слои мелкой буржуазии, занятые в кустарном и ремесленном производстве, в значительной мере находящемся под влиянием частного капитала.

Необходимо также усиление работы и влияния партии среди интеллигентских слоев, более энергичное втягивание их в социалистическое строительство.

Конференция считает, что необходимым условием разрешения стоящих перед партией задач хозяйственного строительства является усиление куль-

турных позиций пролетариата. Это должно выразиться как в укреплении культурных командных высот, так и в большей плановости культурного строительства, большей увязке научной и производственной работы, улучшении качества кадров культурных и научных работников и усилении работы и влияния партии среди работников на культурном фронте. В первую очередь необходимо усиление внимания партии к вопросам рабочего быта, возможно более всестороннее удовлетворение запросов рабочего класса, повышение качества культурной работы среди пролетариата.

В области внутрипартийного строительства конференция отмечает, что ЦК твердо проводил линию дальнейшего развертывания внутрипартийной демократии. Всей своей деятельностью ЦК способствовал поднятию авторитета партии среди беспартийных рабочих и трудящихся. Партия втянула и продолжает втягивать в себя все лучшие элементы рабочего класса. Одним из больших достижений, сделанных партией, является широко поставленная всесторонняя информация членов партии о внутрипартийной жизни и широкое обсуждение всех проводимых партией решений. Конференция считает, что и в дальнейшем партия должна итти по пути развертывания внутрипартийной демократии, увеличения активности рядовых членов партии и должна вести курс на дальнейший рост партии за счет рабочих, занятых непосредственно в производстве.

Конференция целиком и полностью одобряет и поддерживает те решения, которые ЦК принимал в отношении троцкистской оппозиции. Конференция считает, что отход троцкистской оппозиции от партии выразился не только в отходе от ленинской тактики, но и в ревизии основных программных положений нашей партии. По основным вопросам нашей революции: о характере власти, о характере государства, партии и т. д. — оппозиция целиком и полностью перешла на позицию меньшевизма.

Обманывая партию, грубо нарушая неоднократно даваемые партии обязательства прекратить фракционную работу, создав фактически вторую партию, безуспешно пытаясь восстановить беспартийную массу против ВКП(б), нарушая рамки не только партийной, но и советской легальности, переходя к открытым демонстрациям против советской власти,— оппозиция становится орудием «третьей силы». Конференция считает, что Центральный комитет проявил исключительную терпимость в отношении оппозиции, прошедшей путь от образования внутрипартийной фракции до открытой антисоветской работы. Конференция целиком присоединяется к решению ЦК и ЦКК об исключении Зиновьева и Троцкого из партии и об исключении оппозиционеров из ЦК и ЦКК.

Конференция выражает уверенность, что XV с'езд признает несовместимость пребывания в партии с принадлежностью к троцкистской оппозиции.

Полное банкротство троцкистской оппозиции, решительное осуждение ее подавляющим большинством партии и широчайшими массами рабочего класса, ответившими на дезорганизаторскую работу оппозиции широким вступлением в партию, лишний раз показывают, что ленинская партия крепка и несокрушима. Партия наметила правильный путь и будет по нему итти до окончательного торжества социализма.

Да здравствует XV с'езд — верховный орган ленинской партии!

Да здравствует ЦК ВКП(б) — вождь и руководитель пролетарской революции!

Да здравствует Коминтерн!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Неоменьшевистский характер идеологии и тактики оппозиции 5
Идеология оппозиции . . . . . —
Тактика оппозиции 17
II. Итоги нашего строительства и основная линия экономической политики 24
III. Трудности экономического строительства и наши задачи 33
Основной капитал. 35
О рационализации производства и распределения и об интенсивности труда 38
Товарный рынок и безработица 45
IV. Перегруппировка классов в стране и классовая борьба. 48
Пролетариат. 49
Крестьянство 55
Ремесленники и кустари 58
Служащие и интеллигенция 60
Итоги. 65
V. Экономика, политика и культура 70
VI. Международное положение и наши задачи 84
Заключительное слово тов. Бухарина 91
К вопросам культуры . . . . . —
Политика мира или тактика авантюр 95
О высокой „принципиальности“ оппозиции . . . 101
Действительные основы тактики оппозиции . . . 111
Резолюция по докладу т. Бухарина 117

ГОСИЗДАТ К XV С'ЕЗДУ ПАРТИИ

И. СТАЛИН

ОБ ОППОЗИЦИИ

Статьи и речи 1921 — 1927 гг.

Стр. 750. Ц. 2 р.

Н. БУХАРИН

В ЗАЩИТУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Сборник статей

Предисловие автора. Международная буржуазия и ее апостол Карл Каутский. Цезаризм под маской революции. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР. Партия и оппозиция на пороге XV парт'езда.

*

Н. БУХАРИН

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТС'ЕЗДА

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г.

Стр. 123. Ц. 20 к.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

Стр. 327 Ц. 1 р.

ЗА ЛЕНИНИЗМ—ЗА ЛЕНИНСКОЕ ЕДИНСТВО

ФАКТЫ И ЦИФРЫ

ПРОТИВ ЛИКВИДАТОРОВ И ПЕРЕРОЖДЕНЦЕВ

(К ВНУТРИПАРТИЙНЫМ РАЗНОГЛАСИЯМ)

Сборник АПО С.-З. Бюро ЦК и ВКП(б)

Стр. 211. Ц. 75 к.

ПРОДАЖА во всех магазинах, отделениях и киосках ГОСИЗДАТА.

ГОСИЗДАТ К XV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

АГИТПРОП—ИСТПАРТ ЦК ВКП(б)

Л. Д. ТРОЦКИЙ

О ПАРТИИ В 1904 г.

Ц. 80 к.

С. ПОКРОВСКИЙ

ТРОЦКИЗМ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

(Серия текущей политики)

Стр. 72. Ц. 25 к.

Н. МАНДЕЛЬШТАМ

НОВЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ В ПЛАТФОРМЕ ОППОЗИЦИИ

Стр. 47. Ц. 12 к.

ИСТПАРТ ЦК ВКП(б)

ПАРТИЯ ПРОТИВ ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВА ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Материалы и документы

Стр. 140. Ц. 45 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, тел. 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37,
Ленинград, „Дом Книги", Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18
И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Центр, Госиздат, „КНИГА — ПОЧТОЙ"

высылает книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно. Каталоги и проспекты высылаются по требованию бесплатно.

4

20 коп.